

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 16

2020

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Редакционная коллегия

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет,

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Барабаш О.В. МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	5
Правовая коммуникация	
Бородина О.А. ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ	11
Юридическая герменевтика	
Стародубцева М.А. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНА «ТЕРРОРИЗМ»	16
Речевые правонарушения	
Кортаева Д.С., Месропян Л.М. УГРОЗА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	19
Лингвоэкспертология	
Кушнерук С.П. НЕДОБРОЕ СЛОВО: ОСКОРБЛЕНИЕ, КЛЕВЕТА, УНИЖЕНИЕ ЧЕСТИ, УМАЛЕНИЕ ДОСТОИНСТВА	23

CONTENTS

Language of Law	
<i>Barabash O. V.</i>	5
INTERLANGUAGE PARALLELS IN RUSSIAN AND BULGARIAN LEGAL TERMINOLOGY	
Legal communication	
<i>Borodina O. A.</i>	11
CURRENT ISSUES OF ANTI-CORRUPTION EXPERTISE OF REGULATORY DOCUMENTS	
Legal hermeneutics	
<i>Starodubtseva M.A.</i>	16
SOME ASPECTS OF THE DEFINITION OF THE TERM "TERRORISM"	
Speech Offenses	
<i>Korotaeva D. S., Mesropyan L. M.</i>	19
THREAT IN THE POLITICAL DISCOURSE OF A SOCIAL NETWORK AS A MEANS OF SPEECH INFLUENCE	
Linguoexpertology	
<i>Kushneruk S. P.</i>	23
BAD WORD: INSULT, SLANDER, DEGRADING, IMPAIRMENT OF DIGNITY	

Межъязыковые параллели в русской и болгарской юридической терминологии

О. В. Барабаш

*Пензенский государственный университет
ул. Красная, 40, 440026, г. Пенза, Россия. E-mail: olphil@mail.ru*

Формально тождественные терминологические единицы, принадлежащие родственным языкам, могут демонстрировать как совпадение, так и расхождение в семантике и стилистической соотнесенности – в силу собственно лингвистических причин, а также под влиянием экстралингвистических факторов, порождаемых правовыми процессами конкретного государства. Все это осложняет процедуру юридического перевода, а значит, требует детального юрико-лингвистического анализа подобных единиц.

В статье обосновывается необходимость систематизации и комплексного описания формально совпадающих межъязыковых соответствий славянского и неславянского происхождения, в которых хотя бы одна лексическая единица принадлежит юридической терминологии русского либо болгарского языка. Выявленные в современном российском и болгарском законодательстве терминологические пары с одинаковым планом выражения распределяются по шкале семантических соответствий, включающей следующие уровни отношений: нулевая (ложная) семантическая эквивалентность – частичное семантическое сходство – полная семантическая эквивалентность.

Отмечается, что особые трудности могут быть связаны с переводом формально тождественных терминов-девербатов, возникших из одних и тех же элементов на основе одной и той же словообразовательной модели, так как это делает их семантическое несоответствие не столь очевидным. Анализ конкретных примеров демонстрирует, что в близкородственных языках кодификации могут быть подвергнуты разные единицы параллельных внутриязыковых синонимических рядов, в связи с чем игнорирование аспектов функционирования слова в языке приводит к лексико-семантической интерференции.

Автор приходит к выводу, что сопоставительное исследование межъязыковых параллелей в русской и болгарской юридической терминологии имеет важное значение для решения актуальных задач лексикографии и юридического перевода.

Ключевые слова: юридический термин, лексикография, перевод, межъязыковые соответствия, семантическая эквивалентность.

Interlanguage Parallels in Russian and Bulgarian Legal Terminology

O. V. Barabash

*Penza State University
40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russia, E-mail: olphil@mail.ru*

Formally identical terminological units belonging to related languages can demonstrate both coincidence and divergence in semantics and stylistic correlation - due to linguistic reasons, as well as extralinguistic factors generated by the legal processes of a particular state. All this complicates the legal translation procedure, which means that it requires a detailed legal and linguistic analysis of such units.

The article provides rationale for the systematization and comprehensive description of formally matching interlanguage correspondences of Slavic and non-Slavic origin, in which at least one lexical unit belongs to the legal terminology of the Russian or Bulgarian language. The terminological pairs with the same plan of expression identified and equally expressed in the modern Russian and Bulgarian legislation are placed on a scale of semantic correspondences as follows: zero (false) semantic equivalence - partial semantic similarity - full semantic equivalence.

It is noted that particular difficulties can be correlated with the translation of formally identical terms-derived words that arose from the same elements based on the same word-formation model, as this makes their semantic mismatch not so obvious. The analysis of specific examples demonstrates that in closely related languages different units of

parallel intralinguistic synonymic series can be codified, and therefore ignoring aspects of the word's functioning in the language leads to lexical and semantic interference in translation.

The author concludes that a comparative study of interlanguage parallels in Russian and Bulgarian legal terminology is important for solving problems of lexicography and legal translation.

Key words: legal term, lexicography, translation, interlanguage correspondences, semantic equivalence.

«...для сопоставительного метода близкородственные языки представляют особый интерес, так как соблазн отождествления своего и чужого там тоже "лежит на поверхности", но это именно и есть та провокационная близость, преодоление которой таит в себе большие практические трудности».
Реформатский А. А., 1987.

Вводные замечания. Все славянские языки восходят к праславянскому источнику, но при этом каждый следует по своему пути развития. Обнаруживая много общего как в структуре, так и в понятийном фонде, близкородственные языки в то же время демонстрируют, что заложенные в них тенденции развиваются в разных направлениях, а понятия, выражаемые внешне сходными и даже тождественными лексическими единицами, могут существенно различаться по семантическому объему и степени актуальности на данном этапе существования конкретного языка. В связи с этим особый интерес представляет изучение семантики, стилистической принадлежности и дистрибутивных свойств формально совпадающих лексических единиц, параллельно функционирующих в современных близкородственных языках. Следует оговориться, что при сопоставлении межъязыковых лексических параллелей в родственных языках совпадение плана выражения может быть установлено с определенными допущениями, которые обусловлены различиями систем письменности (ср.: рус. «суд» и хорватск. «sud») либо национальными особенностями языков с одинаковой письменностью (ср.: рус. «ущерб», «опыт» и болг. «ущърб», «опит»).

Для обозначения данного феномена исследователи используют разные наименования – в зависимости от ракурса рассмотрения подобных единиц либо от подхода к определению их сущности: «ложные друзья переводчика» [Акуленко 1961: 62], [Борисова 1989]; «межъязыковые омонимы» [Кусаль 2005]; «межъязыковые соответствия омонимичного характера» [Хуцишвили 2010]; «межъязыковая псевдоэквивалентность» [Томилова 2018] и др.

Как показывает анализ научной литературы, большинство работ посвящено изучению межъязыковых параллелей на уровне общеупотребительной лексики. В нашей работе рассмотрение данной проблемы предлагается осуществить в юридико-лингвистическом фокусе – на материале русской и болгарской юридической терминологии. В качестве объекта исследования отобраны такие пары формально совпадающих межъязыковых соответствий славянского и неславянского происхождения, в которых хотя бы одна лексическая единица принадлежит юридической терминологии русского либо болгарского языка. Отметим, что в текстах законодательных актов преобладают имена существительные, их массовая доля может составлять до 60-80 процентов от общего количества слов в предложении [Барабаш 2013: 5]. Это обусловлено потребностью в номинации правовых понятий, предметов и явлений. Поэтому в поле нашего внимания попадают прежде всего терминологические единицы, называющие предмет (в широком смысле) либо опредмеченное действие, иными словами, имена существительные (в том числе deverbative).

Не случайно и обращение именно к юридической терминологии. Наши наблюдения показывают, что значительная часть терминов российского и болгарского права образованы на основе общеупотребительных слов. Как мы уже отмечали в предыдущих работах, в семантической структуре производного юридического термина, восходящего к общеупотребительному слову, происходит наращение к ядерной семе дополнительных смысловых компонентов, сознательно устанавливаемых законодателем и значимых в контексте конкретных правоотношений. Результатом подобного наращения становится двойное кодирование информации (общеязыковой и собственно терминологической) [Барабаш 2017: 74]. Характерно, что в отдельных случаях возникают существенные внутриязыковые расхождения смыслов общеупотребительного слова-основы и производного юридического термина, что влечет вероятность неоднозначной интерпретации терминов и может затруднять правовую коммуникацию. Соответственно, все это приводит к определенным сложностям при осуществлении юридического перевода, особенно в тех случаях, когда в близкородственном языке существует внешне тождественный термин, использование которого требует тщательного предварительного лингво-правового анализа.

В качестве материала исследования выступают тексты действующих нормативных правовых актов России и Болгарии; лексикографические источники (толковые, этимологические, специальные, а также двуязычные словари); Национальный корпус русского языка и Български национален корпус (Болгарский национальный корпус).

Цель данной статьи – на примере анализа отдельных юридических терминов, выявленных в российском и болгарском законодательстве и имеющих одинаковый план выражения, обосновать назревшую потребность в систематизации таких межъязыковых параллелей, функционирующих в правовом дискурсе; классифицировать типы подобных соответствий.

Типы формально тождественных соответствий. При сопоставлении языков выделяют три типа эквивалентности лексических единиц:

- а) полная эквивалентность;
- б) частичная эквивалентность;
- в) ложная эквивалентность (безэквивалентность) [Дубичинский 2008: 101].

Степень семантической близости формально совпадающих в русском и болгарском языках юридических терминов также может быть различной. В связи с этим, на наш взгляд, терминологические пары с одинаковым планом выражения могут быть распределены по шкале семантических соответствий, включающей следующие уровни отношений: нулевая (ложная) семантическая эквивалентность – частичное семантическое сходство – полная семантическая эквивалентность.

Под нулевой семантической эквивалентностью мы понимаем межъязыковую омонимию, при которой (по аналогии с внутриязыковой омонимией) план содержания не обнаруживает каких-либо признаков сходства, а план выражения терминов совпадает. По происхождению это могут быть межъязыковые соответствия, образовавшиеся независимо друг от

друга из одних и тех же элементов и разошедшиеся в историческом развитии настолько, что в современных близкородственных языках не демонстрируют общих сем; либо окказиональные образования, внешнее совпадение которых можно назвать, пользуясь метафорой В. И. Абаева, лишь «игрой случая» [Абаев 1957: 40].

Классическими примерами ложной эквивалентности при сопоставлении общеупотребительной русской и болгарской лексики стали слова «булка» (рус. – «хлебное изделие») и «булка» (болг. – «невеста»); «гора» (рус. – «возвышенность») и «гора» (болг. – «лес»). Анализ нормативных правовых актов России и Болгарии свидетельствует о том, что подобного рода единицы встречаются и среди юридических терминов. При этом особую сложность для перевода представляют термины-девербативы, возникшие из одних и тех же элементов на основе одной и той же словообразовательной модели, что делает их семантическое несовпадение не столь очевидным.

Так, например, сравним словосочетания на болгарском и русском языках:

(1) «износ на огнестрелно оръжие» [Закон 2015, Чл. 121а. (1)].

(2) «износ оръжия» [Пояснительная записка].

Мы видим два графически совпадающих термина-девербатива, образованных нулевой суффиксацией. На первый взгляд носителю русского языка может показаться, что в обоих примерах речь идет об износе огнестрельного оружия, то есть ухудшению его состояния, обветшанию и обесцениванию в результате длительной эксплуатации. Именно такое значение слову «износ» дают современные толковые словари русского языка.

Однако, несмотря на формальное совпадение префикса и одинаковый корень, восходящий к праславянскому *nesti [ЭССЯ 1999: 21-22], в болгарском языке термин «износ» имеет другое значение: «Изнасяне на стоки, суровини или капитали за чужбина с търговска цел или като изпълнение на условия от договор с друга държава; експорт. Противоп. внос, импорт» [Речник на българския език].

Возникает интересная взаимосвязь смежных корней и префиксов. Семантически болгарский префикс *из-* сближается здесь с русским *вы-*: они формируют в глаголах и соответствующих девербативах компонент значения 'направление действия, движение изнутри наружу' либо 'изъятие, извлечение, удаление какой-либо части предмета или одного предмета из другого'. Сравним: рус. «выход» – болг. «изход»; рус. «вынос» – болг. «изнасяне»; рус. «выстрел» – болг. «изстрел»; рус. «выкуп» – болг. «изкупуване» (действие) [Новый болгарско-русский и русско-болгарский словарь] и т. п.

В современном русском языке приставка *из-* также может участвовать в формировании в глаголах указанного значения, например: «изгнать», «извлечь», «извергать», от которых суффиксальным способом образуются соответствующие существительные («изгнание», «извлечение», «извержение»). Для глагола «изнести» словарь В. И. Даля указывает значение «выносить, вытаскивать вон» и приводит пример употребления отглагольного имени существительного: «Износ мёду – в пасаках, унос, грабеж меда чужим роем» [Даль, 2001: 292]. Однако современные толковые словари такого значения для слова «износ» уже не фиксируют, как и не включают в словарные статьи инфинитив «изнести». Уход глагола «изнести» в пассивный запас языка подтверждается и обращением к Национальному корпусу русского языка, где контексты употребления данного слова в указанном значении соотносятся с источниками не позднее конца XIX, например:

(3) «Я продолжал свое домашнее чтение, но рвался, между прочим, не только вобрать в себя, но и изнести из себя что-нибудь» [Гиляров-Платонов, 1886].

Характерно, что болгарскому термину «износ» в русском языке семантически более близким оказывается не «вынос», а «вывоз». В то же время при переводе следует учитывать, что в русском языке «вывоз» не равен «экспорту» («экспорт» – 'вывоз товаров и услуг за границу для реализации их на внешнем рынке'), о чем свидетельствует возможность сочетаний типа «вывоз ценностей за границу без цели продажи», «вывоз некачественного товара», «вывоз мусора» и др.

Наконец, отметим и акцентологические различия: в болгарском термине «износ» ударение падает на приставку, а в русском слове – на корень.

Таким образом, фразу (1) следует перевести на русский язык как «экспорт огнестрельного оружия», а русское «износ» и болгарское «износ» образуют пару формально тождественных единиц, демонстрирующих ложную семантическую эквивалентность.

Как справедливо пишет Р. А. Будагов, «синхронное значение вырастает из значения диахронного и на него опирается. Вместе с тем синхронное значение может отрицать значение диахронное, намечая совершенно новые отношения между словами» [Будагов 1963: 75]. Так, нулевую эквивалентность демонстрируют в синхронии болгарский правовой термин «запор» ('запрет на распоряжение имуществом') и русское общеупотребительное «запор». Существующее в современном русском языке значение 'затрудненное, медленное действие кишечника' является для болгарского языка устаревшим и диалектным; а значение 'устройство, которым запирают, замыкают' отсутствует в нем вовсе.

Другой тип соотношения значений наблюдается в парах межъязыковых единиц, обнаруживающих при формальном тождестве семантическое сходство.

Рассмотрим в качестве примера термины «арест» (рус.) и «арест» (болг.).

Обратившись к этимологическому словарю болгарского языка, выясняем, что слово «арест» было заимствовано через русский (арест) и немецкий (Arrest) языки [Български етимологичен речник 1971: 14]. Согласно словарю М. Фасмера в русский язык слово «арест» пришло через польский и также происходит от немецкого Arrest, которое, в свою очередь, восходит к ст.-франц. arrest [Фасмер 2003: 85].

В то же время сравнение контекстов употребления данных единиц в русском и болгарском языках позволяет выявить, что объем выражаемых этими словами понятий различен. Это связано с тем, что в результате развития регулярной полисемии были реализованы разные ее модели. Так, в болгарском языке полисемия слова «арест» развивается в рамках модели «действие – место, где осуществляется действие»: «Арест - мн. арести, (два) ареста, м. 1. Задържане на лице под стража. 2. Помещение, в което държат под стража» [Речник на българския език, 2001].

Соответственно, в болгарском языке возможны сочетания типа «переполненный арест», например:

(4) «Много положително се отзова за акцията на подпоручика. – И какви са резултатите от нея? – Препълнен арест» [Эдигей 1990].

Лексико-семантический вариант 'помещение, где держат под стражей' является производным. В русском языке такая модель реализована, например, в словах типа «переход», «проезд» (и многих других с корнями ход- или езд-). Сравним:

(5) Проезд запрещен!

(6) Переход через горы был утомительным.

(7) Проезд закрыт.

(8) Переход завалило камнями.

Очевидно, что в примерах (5) и (6) девербативы имеют значение опредмеченного действия, обозначаемого мотивирующим глаголом, а в (7) и (8) – места, где осуществляется действие. В качестве примеров, реализующих в русском языке в том или ином варианте модель «действие – место», можно привести полисеманты «инспекция», «парковка», «укрепление», «остановка», «стройка», «поселение», «окружение», «расположение», «помещение», «поворот» и мн. др. Однако слово «арест» в русском языке подобного значения не развивает, обнаруживая семантическое движение в другом направлении. Так, толковые словари русского языка выделяют три лексико-семантических варианта: «Арест м. 1) Заключение под стражу, лишение свободы. 2) Запрещение распоряжаться имуществом, денежными средствами, налагаемое судебными органами. 3) разг. Изъятие из обращения или запрет на распространение печатных произведений» [Ефремова 2000]. Следовательно, в русском языке, в том числе в институциональном дискурсе, возможны не только сочетания типа «поместить под домашний арест», но и «наложить арест (на имущество, собственность, денежные средства, печатную продукцию)». В болгарском же языке для выражения значения наложения запрета используется другое, уже упоминавшееся нами, слово – «запор», которое в толковых словарях имеет помету «юрид.» и функционирует в качестве термина в болгарском законодательстве, например:

(9) «Същото наказание се налага и на онзи, който се разпорежда с вещ, поставена под запор и оставена му за пазене» [Наказателен кодекс Чл. 277, ред. 2002].

Как отмечает В. Н. Комиссаров, «любое слово находится в сложных и многообразных семантических отношениях с другими словами данного языка, и эти связи отражаются в его семантике» [Комиссаров 1990 : 89]. Учет этих связей особенно важен, на наш взгляд, в тех случаях, когда межъязыковую параллель образуют наиболее близкие по смыслу и совпадающие формально единицы.

Так, словам современного русского языка «обида» и «оскорбление» находим формальные соответствия «обида» и «оскърбление» в болгарском языке. Эти слова входят во внутриязыковые синонимические ряды (см. [Абрамов 2008: 98-99], [Български синонимен речник]).

В болгарском языке слово «оскърбление» появилось путем заимствования из русского языка и функционирует как общеупотребительное. В свою очередь, юридическую «надстройку» получило более древнее слово «обида», функционирующее, в частности, в уголовном законодательстве Болгарии, например:

(10) «Който каже или извърши нещо унижително за честта или достойнството на другито в негово присъствие, се наказва за обида с глоба от хиляда до три хиляди лева. В този случай съдът може да наложи и наказание обществено порицание» [Наказателен кодекс 1968].

Данным пунктом открывается раздел VII «Обида и клевета», где устанавливается состав рассматриваемого преступления.

В русском языке кодификации подверглось более узкое по смыслу слово «оскорбление», которое стало одним из ключевых терминов статьи 5.61 КоАП РФ [Кодекс об административных правонарушениях 2001], а также структурным элементом многокомпонентных юридических терминов уголовного законодательства: «оскорбление чувств верующих» (ст. 148 УК РФ); «оскорбление представителя власти» (ст. 319 УК РФ); «оскорбление военнослужащего» (ст. 336 УК РФ) [Уголовный кодекс 1996].

Соответственно, в российских нормативных и правоприменительных актах, а также в экспертной практике по делам об оскорблении, унижении чести и достоинства употребляются такие сочетания, как «оскорбительные выражения и реплики» [Приказ МВД 2017]; «оскорбительное поведение» [Послание Президента 2012]; «оскорбительный характер информации (высказывания)» и т. п.

Таким образом, болгарскому юридическому термину «обида» соответствует термин российского права «оскорбление». В связи с этим выражение «обидное речевое поведение болгарского политика» [Попова 2019: 475] представляется результатом интерференции и примером ошибочного выбора варианта перевода.

Как справедливо указывает В. Н. Комиссаров, «неточная или неполная передача содержания оригинала препятствует выполнению общественной функции перевода: сделать мысли автора доступными членам иного языкового коллектива» [Комиссаров 1990: 7]. В научной сфере невнимание к требованию точности в передаче содержания того или иного термина может стать причиной коммуникативной неудачи, а в деловой и правовой коммуникации ошибочный выбор терминологического варианта может повлечь судебные разбирательства, например, на почве разночтений сторон в толковании содержания договора.

К сожалению, даже обращение к словарям, в том числе юридическим, иногда не дает возможности подобрать оптимальный вариант перевода термина. Так, в словарях не всегда ясен статус предлагаемых переводческих соответствий: являются ли они авторским вариантом перевода исходного термина или соответствующим термином правовой системы другого языка? При этом остается под вопросом и степень эквивалентности данных единиц. В свою очередь, в специальных русско-болгарских и болгарско-русских словарях нередко представлены незамкнутые и не снабженные стилистическими пометами цепочки соответствий, опираясь на которые выбрать вариант перевода, тем более для юридических целей, представляется затруднительным (например, для рус. «пособник» предлагается болг. «помогач», а для болг. «помогач» – рус. «помощник» [см. Новый болгарско-русский и русско-болгарский словарь]). Подобные лексические единицы требуют изучения, описания и упорядочения.

В заключение отметим, что наибольшую степень семантической близости в русском и болгарском языке демонстрируют юридические термины, заимствованные из неславянских языков, особенно такие термины, которые появились в результате рецепции римского права и имплементации в национальное законодательство норм международного права, например: «ипотека» (рус.) – «ипотека» (болг.); «эмансипация» (рус.) – «еманципация» (болг.), «сервитут» (рус.) – «сервитут» (болг.) и т. п.

Выводы. Выявление и анализ межъязыковых лексических параллелей в русской и болгарской юридической терминологии представляется важной и актуальной задачей. Как пишет Р. А. Будагов, «семантика синхронии вносит существенную правку в семантику диахронии. Этимологические связи между словами родственных языков могут настолько ослабляться, что соответствующее слово одного языка часто оказывается ближе по смыслу не к его этимологическому корреляту в другом родственном языке, а совсем к иному образованию» [Будагов 1963: 74-75]. Действительно, формально тождественные терминологические единицы, принадлежащие родственному языку, могут демонстрировать как совпадение, так и расхождение в семантике и стилистической соотнесенности – в силу собственно лингвистических причин, а также под

влиянием экстралингвистических факторов, порождаемых правовыми процессами конкретного государства. Полагаем, что изучение семантической структуры подобных юридических терминов в сопоставительном аспекте представляет значительный теоретический интерес, так как дает возможность уточнить их этимологию, проследить общие тенденции формирования терминологических значений, а также высветить «скрытые», национально обусловленные семантические компоненты терминов, восходящих к общему этимону. Все это имеет важное значение для установления степени семантической эквивалентности рассматриваемых лексических единиц, а следовательно, для решения задач лексикографии и юридического перевода.

Литература

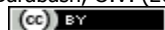
- Абаев В.И.* О подаче омонимов в словаре / Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. – С. 31-44.
- Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Около 5000 синонимических рядов. – М., 2008.
- Акуленко В.В.* Существует ли интернациональная лексика? / Вопросы языкознания. – 1961. – №3. С. 60-68.
- Барабаш О.В.* Нарастание смысловых компонентов в процессе образования юридических терминов / Русистика сегодня: традиции и перспективы. Сборник докладов юбилейной международной научной конференции (София, 23-25 ноября 2016 г.). – София, 2017. – С. 74-80.
- Барабаш О.В.* Юридический термин: проблемы изучения / Юрислингвистика: Научно-практический журнал. – 2013. – № 2(13). – С. 5-11.
- Борисова Л.И.* Ложные друзья переводчика научно-технической литературы. Часть 1: Методические пособие. – М., 1989.
- Будагов Р.А.* Сравнительно-семасиологические исследования (Романские языки). – М., 1963.
- Български синонимен речник.
URL: <https://slovoed.com/search/synonymous/%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%B4%D0%B0>
- Български етимологичен речник. Том 1 (А–З). Съставили: Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. Редактор: Вл. И. Георгиев. – София, 1971, ХСV+679 с. URL: <https://ibl.bas.bg/ber/>
- Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого. Том 1 (1886) / Национальный корпус русского языка URL: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spd=&mydocsize=&mode=main&sort=i_grtagging&lang=ru&nodia=1&text=lexform&req=изности
- Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М., 2001.
- Дубичинский В.В.* Лексикография русского языка : учеб. пособие. – М., 2008.
- Ефремова Т.Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М., 2000.
- Закон 2015 за изменение и допълнение на закона за оръжията, боеприпасите, взривните вещества и пиротехническите изделия (дв. бр. 73 от 2010 г.) Обн. Дв. бр. 56 от 24.07.2015 г. URL: <https://www.lex.bg/bg/laws/ldoc/2136567920>
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 24.04.2020). – URL: <http://www.consultant.ru>
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М., 1990.
- Кусаль К.Ч.* Русско-польская межъязыковая омонимия как лексикографическая проблема: монография. – СПб., 2005.
- Наказателен кодекс. В сила от 01.05.1968 г., изм. и доп. ДВ. бр.23 от 14 Март 2020 г. – URL: <https://www.lex.bg/bg/laws/tree/code>
- Новый болгарско-русский и русско-болгарский словарь. – М., 2013.
- Попова В.А.* «Наивная» лингвистическая экспертиза и современное болгарское общество / Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 1–2 октября 2019 г.). – М., 2019. – С. 474-481.
- Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 "Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/
- Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "Об оружии"». URL: <http://www.consultant.ru>
- Приказ МВД России от 23.08.2017 № 664 (ред. от 21.12.2017) "Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения" (Зарегистрировано в Минюсте России 06.10.2017 № 48459). URL: <http://www.consultant.ru>
- Реформатский А.А.* Лингвистика и поэтика. – М., 1987. – С. 40-52
- Речник на българския език (Институт за български език). URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg>
- Речник на българския език. Т. 1 (А – Б). – София, 2001.
- Томилова А.И.* Явление межъязыковой псевдоэквивалентности в русском и французском языках: теоретические и прикладные аспекты: монография / Под науч. ред. Н. Н. Лыковой. – Екатеринбург, 2018.
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020). URL: <http://www.consultant.ru>
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1: А–Д: ок. 4000 слов/ М. Фасмер; Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М., 2003.
- Хуцишвили С.Д.* Славянские межъязыковые омонимы: дисс. на соискание академической степени доктора филологии (PhD). – Тбилиси, 2010.
- Эдигей Е.* Смъртта дебне под прозореца / Български национален корпус. URL: <http://search.dcl.bas.bg/>
- Этимологический словарь славянских языков (ЭССЯ). Праславянский лексический фонд. – Выпуск 25 (*neroditi - *povotъль(ъ)) / Под ред. акад. О. Н. Трубачева. – М., 1999.

References

- Abaev, V.I. (1957) On the supply of homonyms in the dictionary. *Questions of linguistics*. No. 3 (May-June), 31-44.
- Abramov, N. (2008) Dictionary of Russian synonyms and similar expressions. About 5,000 synonymous series. Moscow (in Russian).
- Akulenko, V.V. (1961) Is there an international vocabulary? *Questions of linguistics*. No. 3. 60-68 (in Russian).
- Barabash, O.V. (2013) Legal term: problems of study. *Jurislinguistics: Scientific and practical journal*. No. 2 (13). 5-11(in Russian).
- Barabash, O.V. (2017) The growth of semantic components in the process of formation of legal terms. *Russian Studies today: traditions and prospects*. Collection of reports of the anniversary international scientific conference (Sofia, November 23-25, 2016). Sofia, 74-80 (in Russian).
- Borisova, L.I. (1989) False friends of a translator of scientific and technical literature. Part 1: Toolkit. Moscow (in Russian).
- Budagov, R.A. (1963) Comparative Semasiological Studies (Romance Languages). Moscow (in Russian).
- Bulgarian dictionary (Bulgarian language institute). Available from: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg> (in Bulgarian).
- Bulgarian dictionary T. 1 (A - B) (2001). Sofia (in Bulgarian).
- Bulgarian etymological dictionary (1971) Volume I (A - Z). Compiled by: Vl. Georgiev, Iv. Galabov, J. Zaimov, St. Ilchev. Editor: Vl. I. Georgiev. Sofia. Available from: <https://ibl.bas.bg/ber/> (in Bulgarian).
- Criminal Code of the Republic of Bulgaria. In force since 01.05.1968, amended. and ext. of 14 March 2020. Available from: <https://www.lex.bg/bg/laws/tree/code> (in Bulgarian).
- Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 7, 2020) (as amended and supplemented, entered into force on April 12, 2020). Available from: <http://www.consultant.ru> (in Russian).
- Dal, V.I. (2001) Explanatory Dictionary of the Russian Language. The modern version. Moscow (in Russian).
- Dubichinsky, V.V. (2008) Lexicography of the Russian language: textbook. allowance. Moscow (in Russian).
- Edigey, E. (1990) Death lurks under the window / Bulgarian National Corps. Available from: <http://search.dcl.bas.bg/> (in Bulgarian).
- Efremova, T.F. (2000) New explanatory and derivational dictionary of the Russian language. Moscow (in Russian).
- Etymological dictionary of Slavic languages. Pre-Slavic lexical fund. Issue 25 (* neroditi - * novotъnъ (jъ)) (1999). Moscow (in Russian).
- Explanatory note on the draft federal law "On Amendments to the Federal Law "On Weapons". Available from: <http://www.consultant.ru> (in Russian).
- Fasmer, M. (2003) Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 vols. T. 1: AD. Moscow (in Russian).
- Gilyarov-Platonov, N.P. (1886) From the experience. Volume 1. Russian National Corpus. Available from: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&sort=i_grtagging&lang ru & nodia = 1 & text = lexform & req = wear (in Russian).
- Khutsishvili, S.D. (2010) Slavic interlingual homonyms. Diss. for the degree of Doctor of Philology (PhD). Tbilisi (in Russian).
- Komissarov, V.N. (1990) Translation theory (linguistic aspects). Moscow (in Russian).
- Kusal, K.Ch. (2005) Russian-Polish interlanguage homonymy as a lexicographic problem: monograph. St. Petersburg (in Russian).
- Law on Amendments to the Law on Weapons, Ammunition, Explosives and Pyrotechnic Articles (2010) Prom. of 24.07.2015 Upd. Available from: <https://www.lex.bg/bg/laws/ldoc/2136567920> (in Bulgarian).
- Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 12.12.2012 "Message from President Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation". Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/ (in Russian).
- New Bulgarian-Russian and Russian-Bulgarian dictionary. (2013). Moscow (in Russian, in Bulgarian).
- Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 23, 2017 No. 664 (as amended on December 21, 2017) "On approval of the Administrative Rules for the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to exercise the state function to carry out federal state supervision of compliance by road users with the requirements of the legislation of the Russian Federation in the field of road safety" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on October 6, 2017 No. 48459). Available from: <http://www.consultant.ru> (in Russian).
- Popova, V.A. (2019) "Naive" linguistic examination and modern Bulgarian society. *Modern theoretical linguistics and the problems of forensic science: a collection of scientific papers based on the results of the International Scientific Conference "Modern Theoretical Linguistics and the problems of forensic science"* (Moscow, October 1-2, 2019 g.). 474-481. (in Russian).
- Reformatsky, A.A. (1987) Linguistics and poetics. Moscow (in Russian).
- The Code of the Russian Federation on administrative offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on April 24, 2020). Available from: <http://www.consultant.ru> (in Russian).
- Tomilova, A.I. (2018) The phenomenon of interlanguage pseudoequivalence in the Russian and French languages: theoretical and applied aspects: monograph. Ekaterinburg (in Russian).

Citation:

Барабаш, О. В. Межъязыковые параллели в русской и болгарской юридической терминологии. // Юрислингвистика. – 2020. – 16. – С. 5-10.
Barabash, O.V. (2020). Interlanguage parallels in Russian and Bulgarian legal terminology. *Legal Linguistics*, 16, 5–10.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Вопросы организации антикоррупционной экспертизы нормативных документов

О. А. Бородина

Университет прокуратуры Российской Федерации

ул. 2-ая Звенигородская, д. 15, 123022, г. Москва, Россия, E-mail: borodina.oa@mail.ru

Статья посвящена исследованию широко используемого средства профилактики коррупции в правотворческой деятельности – антикоррупционной экспертизы нормативных документов и проектов нормативных правовых актов. В работе приводится обзор исследований института антикоррупционной экспертизы, проведенных в целях формирования общего представления о рассмотренных учеными и практиками вопросах и проблемах правового института. На примере одного из субъектов антикоррупционной экспертизы – органов прокуратуры – рассмотрены возникающие в деятельности по проведению антикоррупционной экспертизы проблемы, предложены возможные пути их решения. В целях обоснования выводов приведены результаты социологического исследования – анкетирования прокурорских работников и аккредитованных независимых экспертов, реализованного автором при подготовке диссертационного исследования в 2019–2020 гг. Поскольку в настоящее время в России институт независимой антикоррупционной экспертизы в полной мере не функционирует, чему способствуют пробелы формулировок законов, в настоящей статье с учетом мнения обеих групп экспертов была предпринята попытка предложить решение проблем прокурорской антикоррупционной экспертизы, увязав их с решением проблем независимой антикоррупционной экспертизы.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, прокурорская деятельность, независимые эксперты, коррупция, профилактика коррупции, тексты правовых актов.

Current Issues of Anti-Corruption Expertise of Regulatory Documents

O. A. Borodina

University under the Public Prosecution Office of the Russian Federation

15 Vtoraya Zvenigorodskaya str., Moscow, 123022, Russia, E-mail: borodina.oa@mail.ru

The article deals with the study of a widely used tool for preventing corruption in law-making – anti-corruption expertise of regulatory documents and draft regulatory legal acts. The paper provides an overview of the research conducted by the institution of anti-corruption expertise to shape the general scope of issues considered by scientists and practitioners. The problems arising during anti-corruption expertise are considered on the example of one of the subjects of anti-corruption expertise - prosecution agencies, and possible ways to solve them are proposed. The results of an opinion poll of procuracy officers and accredited independent experts, implemented by the author while working on the dissertation research in 2019-2020, are presented to substantiate the conclusions. Since the institution of independent anti-corruption expertise is not fully functioning in Russia at present due to gaps in legislative wording, this article, taking into account views of the both groups of experts, has attempted to offer a solution to the problems of prosecutor's anti-corruption expertise, linking them with the solution of the problems of independent anti-corruption expertise.

Key words: anti-corruption expertise, prosecutorial service, independent experts, corruption, corruption prevention, texts of legal acts.

Действующий институт антикоррупционной экспертизы, направленный на повышение качества текстов законов как причины появления коррупции, правовое начало своего существования в России исчисляет с принятия Федерального закона от 17.07.2009 №172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

Проблемы изучения законодательства на предмет коррупциогенности разрабатывались с начала 90-х годов в рамках криминологических исследований (С.В. Бородин, А.И. Долгова и пр.). Вопросы природы и причин коррупции, противодействия ей исследовались в многочисленных работах А.В. Бахарева, А.Э. Буксмана, А.Г. Воробьева, С.К. Илия, Н.Н. Карпова, А.В. Кудашкина, Т.Л. Козлова, С.В. Максимова, А.Е. Русецкого, Ю.П. Синельщикова, Т.Я. Хабриевой и др.

Вопросы противодействия коррупции и отдельных его элементов (например, профилактики) не первый год обсуждаются в научных кругах. Аспекты профилактики коррупции, в т.ч. осуществляемой органами прокуратуры, в значительной степени раскрыты в трудах В.Г. Бессарабова, Ю.Е. Винокурова, И.А. Калиты, Т.Л. Козлова, С.В. Максимова и др., освещены в методических рекомендациях, памятках Генеральной прокуратуры РФ и Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (сейчас Университета прокуратуры РФ), научных докладах ее Научно-исследовательского института.

Многочисленные научные исследования посвящены институту антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов как одной из мер профилактики коррупции. Вопросы его становления, природы, правового регулирования, принципов и методики проведения попадали в поле зрения исследователей (среди них – Н.П. Алешкова, С.К. Илий, А.В. Кудашкин, С.Б. Поляков, Е.Р. Россинская, А.М. Цирин, В.Н. Южаков и др.). Немаловажные вопросы коррупциогенности законодательства, методики проведения антикоррупционной экспертизы текстов законов поднимаются в работах Е.И. Галяшиной, Г.И. Головщинского, В.М. Корякина, А.В. Кудашкина, И.Н. Клюковской, Р.К. Мелекаева и др. Предпосылками к разработке института явились научные разработки Э.В. Талапиной, Ю.А. Тихомирова, В.Н. Найдено и др.

Вопросы становления в России института антикоррупционной экспертизы и методики ее проведения рассматривались специалистами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (В.Н. Южаков, С.В. Бошно, А.А. Ефремов, А.М. Цирин).

Актуальными проблемы антикоррупционной экспертизы остаются и на сегодняшний день. Сегодня изучение данного института осуществляется в сравнении с зарубежным опытом не просто как самостоятельной меры профилактики коррупции, а как элемента правового (антикоррупционного) мониторинга, правотворчества, механизма криминологического исследования правовых норм и т.д.

Как известно, анализ нормативных правовых актов в целях выявления в правовых документах коррупциогенных факторов проводится многими официальными субъектами: правотворческими органами, органами юстиции и прокуратуры. Причем последний из субъектов по праву занимает лидирующие позиции в силу особого правового статуса и количества ежегодно оцениваемых нормативных текстов (в 2019 г. впервые преодолен рубеж в 2 млн. документов). Органы прокуратуры являются основным государственно-правовым институтом, призванным осуществлять противодействие коррупции в целом, и проведение антикоррупционной экспертизы в частности. С учетом целей антикоррупционной экспертизы, прокурор содействует повышению эффективности правового регулирования общественных отношений, качества текстов законов, обеспечению законности и правопорядка.

По оценкам экспертов (150, или 72%, из 208 проанкетированных мною прокурорских работников и 44, или 39,6%, из 111 аккредитованных независимых экспертов) возложение на органы прокуратуры полномочий по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов является целесообразным. При этом 116 (55,7%) прокурорских работников указали, что ее проведение соответствует целям деятельности органов прокуратуры, еще 34 (16,3%) сообщили о целесообразности таких полномочий, хотя экспертная деятельность органам прокуратуры не свойственна.

Особенно следует отметить научные исследования, проведенные учеными - прокурорскими работниками Д.А. Дмитриевым, А.Д. Ильяковым, И.А. Побережной. Ими подготовлены пособия и методические рекомендации по вопросам антикоррупционной экспертизы, осуществляемой органами прокуратуры. Проблемам проведения антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры посвящены работы Б.В. Коробейникова, А.В. Кудашкина, О.В. Смирновой и др. Определенный интерес представляют труды исследователей о природе антикоррупционной экспертизы, специфическом средстве прокурорского реагирования при выявлении коррупциогенных факторов (требования об изменении нормативного правового акта), месте антикоррупционной экспертизы в системе функций и основных направлений деятельности прокуратуры (А.Ю. Винокуров, А.В. Кудашкин и др.).

Данный правовой институт не остался без внимания со стороны молодых ученых, проводивших диссертационные исследования по проблемам антикоррупционной экспертизы (А.В. Ермаковой, Е.И. Юлегиной, А.О. Мелешко, Ю.И. Ворониной), в т.ч. со стороны правоохранительных органов (Ю.М. Ланцевич), органов юстиции (А.К. Балдина, А.В. Кима) и прокуратуры (О.Л. Чечко).

Сегодня невозможно признать совершенства формулировок законов, составляющих нормативно-правовую основу, как сферы противодействия коррупции, так и деятельности прокуратуры России в целом. Это настоятельно диктует необходимость сравнительных исследований и адекватного заимствования опыта функционирования антикоррупционных органов, в т.ч. органов прокуратуры, опыта реализации различных форм и методов противодействия социально опасному явлению, в т.ч. посредством института антикоррупционной экспертизы.

В этой связи нельзя не упомянуть как о зарубежных коллегах, посвятивших свои исследования вопросам противодействия коррупции и оценки правовых актов на коррупциогенность (З.А. Джумабеков, А.А. Бакин, Э.Р. Исламова, Г.Б. Кысыкова и др.), так и российских ученых, занимающихся сравнительными исследованиями (Е.И. Семенова и др.).

Одна из актуальнейших монографий, посвященных отдельным вопросам функций и полномочий прокуратур в зарубежных странах, подготовлена сотрудниками Академии Генеральной прокуратуры РФ (С.П. Щерба, Т.А. Решетникова, М.А. Фролова). Вопрос исследования зарубежного опыта и возможности его применения в российском законодательстве, в т.ч. распространения его в деятельности органов прокуратуры, остается актуальным до сих пор.

Проблемам правового регулирования института, реализуемого различными субъектами ее проведения, создания правовой основы на межгосударственном уровне, сравнительным исследованиям посвящены работы специалистов Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (И.С. Власов, Т.О. Кошаева, В.Н. Найдено и др.).

Во многих работах об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и их проектов поднимаются проблемы теоретического, организационного, а также правового порядка. Активное участие в их освещении принимают и практические работники органов прокуратуры, для повышения общего уровня правосознания населения приводя конкретные примеры коррупциогенных факторов в исследуемых документах.

Как справедливо подчеркнул начальник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере государственной и муниципальной службы, противодействия коррупции Университета прокуратуры РФ С.К. Илий, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов является в целом сформировавшимся институтом... Вместе с тем, учеными и практиками высказываются предложения по дальнейшему развитию антикоррупционной экспертизы, совершенствованию ее механизма [Илий 2019: 284].

Несомненно, ряд проблем имеет общие причины и возникает в деятельности всех субъектов антикоррупционной экспертизы. Сбои имеют место, например, при определении нормативности правового акта; взаимодействии субъектов экспертизы между собой; при реализации самой деятельности по оценке нормативного правового акта, зависящей от уровня подготовленности специалистов к проведению экспертизы и др. Ряд проблем следует из общего непонимания природы антикоррупционной экспертизы, ее места в системе иных видов государственной деятельности (в системе органов прокуратуры, в частности, решение данного вопроса даст ответы о правомерности применения общенадзорных мер прокурорского реагирования на выявленные коррупциогенные факторы).

Имеют место и специфические для органов прокуратуры проблемы реализации института. Несмотря на значительный вклад

ученых в исследование проблем прокурорской антикоррупционной экспертизы, взаимодействия прокуроров с иными субъектами ее проведения, такие проблемы исследовались не всегда всесторонне. Диссертационное исследование О.Л. Чечко по этому вопросу подтверждает актуальность для прокуратуры ряда организационно-правовых проблем и необходимость их решения.

Одной из таких специфических проблем является отсутствие законодательной основы по проведению антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов. Федеральный закон «О прокуратуре РФ» наделяет прокуроров полномочиями по проведению антикоррупционной экспертизы только действующих нормативных правовых актов. Однако ведомственная статистика, многочисленные примеры на официальных интернет-сайтах прокуратур субъектов Федерации подтверждают, что фактическая деятельность по проведению антикоррупционной экспертизы проектов ведется успешно. Вместе с тем законодательная основа такой деятельности должна быть обеспечена, поскольку работа с проектами в большей степени соответствует профилактической направленности антикоррупционной экспертизы.

Среди основных направлений совершенствования на первый план выходят и проблемы реализации правового института на этапе действия нормативных правовых актов. По обоснованному мнению О.Л. Чечко, на сегодняшний день этот этап не имеет соответствующего правового регулирования.

В системе прокуратуры определенные шаги к этому сделаны: в марте 2018 года Генеральным прокурором РФ внесены изменения в приказ от 28.12.2009 №400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов», увеличены сроки проведения антикоррупционной экспертизы с 1 месяца до 1 года.

Такие изменения видятся вполне оправданными и позволяют изучить не только текст принятого нормативного правового акта, но и практику его применения. Однако отсутствие методики действий горрайпрокуроров (форм, методов, порядка и сроков реализации и т.д.) оставило порядок таких действий на их усмотрение. Ориентирование прокуроров на проведение конкретных мероприятий способствовало бы повышению эффективности экспертной деятельности и активизации взаимодействия прокуроров с иными субъектами антикоррупционной экспертизы, в т.ч. независимыми экспертами, деятельность которых остается на крайне низком уровне (в 2018 году в органы прокуратуры России поступило только 49 заключений (в 2017 г. – 33) независимых экспертов).

Низкий уровень активности независимых экспертов (при том, что перечень аккредитованных независимых экспертов на 09.08.2019 насчитывал 2566 граждан и 421 организацию, из которых только 1136 граждан и 185 юридических лиц имели действующие свидетельства об аккредитации) и еще меньший процент реально выявленных независимыми экспертами коррупциогенных факторов (меры прокурорского реагирования приняты только по 14 из 49 заключений в 2018 году) свидетельствует о том, что институт независимых экспертов в России до сих пор не заработал. Помочь независимым экспертам в активизации их деятельности под силу органам прокуратуры.

По мнению большинства ученых, органы прокуратуры и юстиции на сегодня являются основными субъектами антикоррупционной экспертизы.

Учитывая огромные показатели работы в этом направлении, с одной стороны, требуется всемерная помощь прокурорам в ее осуществлении с использованием современных технических достижений. Положительный опыт имеется у Новгородской прокуратуры, которая в работе использует информационную базу СС Мониторинг законодательства (Мониторинг КонсультантПлюс), позволяющую наиболее полно и оперативно проводить сверки действующего законодательства, сравнительный анализ текстов региональных и муниципальных законов, выявлять пробелы, несоответствия и формулировки, допускающие неконтролируемую деятельность правоприменителя. В республике Татарстан также широко используются возможности АИС «Кодекс», позволяющей выявлять возможные противоречия в текстах нормативных правовых актов. В Ханты-Мансийском автономном округе ведется работа с АИС «Аналитик регионального законодательства», позволяющей изучать нормативные акты на предмет законности, наличие либо отсутствие коррупциогенных факторов и поиск пробелов в правовом регулировании. В 2019 году запущен пилотный проект по автоматизации процесса проведения экспертизы нормативных правовых актов и их проектов всех уровней власти на предмет выявления рисков антимонопольного законодательства и оценки регулирующего воздействия.

С другой стороны, учитывая показатели работы прокуроров, необходимо проводить политику повышения доступности информации о принимаемых прокурорами мерах к исключению коррупциогенных формулировок из нормативных правовых актов, их размещению в открытом сегменте для выстраивания единообразной практики в иных субъектах Федерации.

Ну и, конечно, в свете функционирования в России огромного количества органов, организаций и должностных лиц, являющихся субъектами антикоррупционной экспертизы, видится необходимым наделение органов прокуратуры координирующими функциями в сфере антикоррупционной экспертизы. Такое мнение разделяет 32,6% проанкетированных прокурорских работников и 20,7% независимых экспертов.

В одной из публикаций заместитель начальника Управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры РФ А.Ш. Юсуфов заявил, что Генеральная прокуратура РФ осуществляет координацию деятельности по проведению федеральными государственными органами, иными государственными органами и организациями антикоррупционной экспертизы принятых ими нормативных правовых актов. Вся вертикаль органов прокуратуры выстраивается по пути координации такой деятельности в регионах и на местах (такая координация осуществляется, например, путем обмена информацией в соответствии с заключаемыми соглашениями), но она не имеет четких форм, методов и порядка осуществления. Указанные полномочия за органами прокуратуры вообще легально не закреплены (формулировка ч.6 ст.5 Федерального закона «О противодействии коррупции») свидетельствует лишь о координационных полномочиях органов прокуратуры в отношении деятельности правоохранительных органов по

борьбе с коррупцией, которые, как известно, ничего общего с профилактикой коррупции и реализацией ее отдельных мер не имеют).

Расширение форм и методов взаимодействия субъектов антикоррупционной экспертизы, законодательная регламентация такого взаимодействия также остается на повестке дня. Указанная проблема не может быть решена на ином уровне, кроме федерального, учитывая, что одной из сторон такого взаимодействия является прокуратура. Здесь можно согласиться с обоснованным мнением В.Б. Ястребова, полагавшего, что подход к формированию законодательства о прокуратуре должен определяться федеральной природой системы ее органов... Федеральные законы не должны содержать пробелов, на восполнение которых могли бы потребоваться усилия региональных законодателей [Ястевов 2001: 54].

Эти и другие проблемы сравнительно молодого института антикоррупционной экспертизы, стоящие перед практически всеми прокурорскими работниками, можно разрешить, обратившись к опыту зарубежных коллег, в частности, стран СНГ, которые также оценивают свое законодательство на коррупциогенность (в рамках правовой, юридической, криминологической или собственно антикоррупционной экспертизы). Некоторые из них, несомненно, продвинулись дальше в решении ряда проблем функционирования правового института.

На сегодняшний день органы российской прокуратуры крепко встроены в систему реализации государственной политики в сфере профилактики правонарушений. Недавно принятый Федеральный закон от 23.06.2016 №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», где прокурору также отведена определенная роль, наглядное тому подтверждение.

Исключением не явилась и сфера профилактики коррупции, где прокурор осуществляет разнообразные полномочия, в т.ч. антикоррупционную экспертизу. Вместе с тем, анализ федеральных законов (Об основах системы профилактики правонарушений, О прокуратуре РФ и Об антикоррупционной экспертизе) выявляет значительные противоречия и проблемы их совместной реализации. Их решение требует теоретической проработки и выдвижения научно обоснованных предложений о совершенствовании.

В заключении можно прийти к выводу, что институт антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов на сегодняшний день является абсолютно востребованным. Прокуратура по праву занимает в его реализации одно из ведущих мест. Именно потому исследования проблем, возникающих в деятельности прокурора при проведении антикоррупционной экспертизы, актуальны и способны повысить эффективность и качество проведения экспертиз всеми субъектами.

Органы прокуратуры с учетом значительного срока проведения антикоррупционной экспертизы, фактического выполнения роли координатора иных субъектов могут и в дальнейшем должны выступать тем организующим началом, вокруг которого сплотились бы независимые эксперты и эксперты правотворческих органов. Это будет способствовать повышению как активности институтов гражданского общества, образовательного уровня субъектов в сфере проведения антикоррупционной экспертизы, так и общего уровня правосознания всех участников проводимых прокурором мероприятий.

Литература

- Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов: научно-практическое пособие / Под. ред. Ю.А. Тихомирова, Е.И. Спектор. – М., 2012.
- Аринин В.В. и др.* Прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии коррупции вне уголовно-правовой сферы: пособие. – М., 2019.
- Бошно С.В., Ефремов А.А., Циринов А.М., Южаков В.Н.* Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: становление, опыт, перспективы. – М., 2014.
- Илий С.К.* Обеспечение конституционной законности при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов / Конституция как нормативно-правовая основа конституционной законности в Российской Федерации: тематическая энциклопедия. Серия «Academia» / Под общ. ред. О.С. Капинус. – Т. V. – Издание 2-е, переработанное. – М., 2019. – С.281-284.
- Коррупция в современной России: проблемы теории и практики: монография / Под. общ. ред. Т.Л.Козлова. – М., 2014.
- Коробейников Б.В.* Проблемы проведения прокурором антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов / Конституция как нормативно-правовая основа конституционной законности в Российской Федерации: тематическая энциклопедия. Серия «Academia» / Под общ. ред. О.С. Капинус. – Т. V. – Издание 2-е, переработанное. – М., 2019. – С.70-71.
- Максимов С.В. Инсаров О.А., Павлинов А.В.* Противодействие коррупции: учебное пособие. – М., 2019.
- Работа органов прокуратуры Российской Федерации в 2018 году по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. URL: <https://genproc.gov.ru/anticor/expert/nadzor/document-1540958/> (дата обращения: 23.10.2019).
- Семенова Е.И.* Сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ по вопросам проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов/ Правовая информатика. – 2013. – С.61-68.
- Синельщиков Ю.П.* Коррупция в России: история, состояние, причины, меры борьбы. – М., 2017.
- Смирнова О.В.* Некоторые вопросы проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов / Закон и право. – 2018. – №12. – С.125-127.
- Сотрудничество государств – участников СНГ в борьбе с коррупцией: проблемы и перспективы: сб. материалов науч.-практ. конф. (6-7 декабря 2012 г., г.Москва) / Под ред. О.С. Капинус. – М., 2013. – 318 с.
- Хохрякова Э.А.* Проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов органами прокуратуры: постановка проблемы / Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – №3 (18). – С. 93-96.
- Циринов А.М.* Антикоррупционная экспертиза в России и зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование/ Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – №4. – С.138-145.
- Черепанова Е.В.* Антикоррупционная экспертиза как элемент правового мониторинга: сравнительно-правовое исследование/ Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – №2. – С. 109-115.
- Экспертиза нормативных правовых актов и их проектов на предмет коррупциогенности: содержание, значение, методика проведения: сборник статей / Под общ. ред. О.С. Капинус и А.В. Кудашкина. – М., 2010.

Юсуфов А.Ш. Антиторрупционная экспертиза нормативных правовых актов – важнейший элемент профилактики коррупционных проявлений / Вестник антиторрупционной экспертизы. Научное сетевое издание. URL: <http://expertiza.pw/22071702-2/> (дата обращения: 02.11.2019).

Ястребов В.Б. Прокурорский надзор: учебник. – М., 2001.

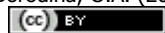
References

- Anti-corruption examination of draft regulatory legal acts: a scientific and practical manual (2012)/ ed. Yu.A. Tikhomirov, E.I. Spector. Moscow (in Russian).
- Arinin, V.V. et al. (2019) Prosecutorial supervision of the implementation of anti-corruption laws outside the criminal law sphere: manual. Moscow (in Russian).
- Boshno, S.V., Efremov, A.A., Tsyryn, A.M., Yuzhakov, V.N. (2014) Anti-corruption examination of normative legal acts and draft normative legal acts: formation, experience, prospects. – Moscow (in Russian).
- Eli, S.K. (2019) Ensuring constitutional legality during the anti-corruption examination of normative legal acts / Constitution as the normative legal basis of constitutional legality in the Russian Federation: thematic encyclopedia. Series «Academia» / under the general. ed. O.S. Capinus, T.V., 2nd edition, revised, 281-284 (in Russian).
- Corruption in modern Russia: problems of theory and practice: monograph (2014) / under. total ed. T.L. Kozlova. Moscow (in Russian).
- Korobeinikov, B.V. (2019) Problems of the prosecutor conducting an anti-corruption examination of regulatory legal acts / Constitution as the regulatory framework of constitutional legality in the Russian Federation: thematic encyclopedia. Series "Academia" / under the general. ed. O.S. Capinus, T.V., 2nd edition, revised, 70-71, Moscow (in Russian).
- Maksimov, S.V. Insarov, O.A., Pavlinov, A.V. (2019) Anti-corruption: study guide. Moscow (in Russian).
- The work of the prosecution authorities of the Russian Federation in 2018 to conduct anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects. URL: <https://genproc.gov.ru/anticor/expert/nadzor/document-1540958/> (accessed: 10/23/2019) (in Russian).
- Semenova, E.I. (2013) Comparative legal analysis of the legislation of the CIS countries on the issues of anti-corruption examination of regulatory legal acts and their projects / Legal informatics, 61-68 (in Russian).
- Sinelschikov, Yu.P. (2017) Corruption in Russia: history, condition, causes, measures of struggle. Moscow (in Russian).
- Smirnova, O.V. (2018) Some issues of the prosecution authorities conducting an anti-corruption examination of normative legal acts / Law and order, 12, 125-127 (in Russian).
- Cooperation of the CIS member states in the fight against corruption: problems and prospects: coll. materials scientific-practical conference (December 6-7, 2012, Moscow) (2013) / under the general. ed. O.S. Capinus. Moscow (in Russian).
- Khokhryakova, E.A. (2018) Conducting anti-corruption expertise of normative legal acts by the prosecution authorities: statement of the problem / Law and order: history, theory, practice, 3 (18), 93-96 (in Russian).
- Tsirin, A.M. (2018) Anti-corruption expertise in Russia and foreign countries: comparative legal research / Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, 4, 138-145 (in Russian).
- Cherepanova, E.V. (2019) Anti-corruption expertise as an element of legal monitoring: comparative legal research / Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, 2, 109-115 (in Russian).
- Examination of regulatory legal acts and their projects for corruption potential: content, significance, methodology: collection of articles (2010)/ under general. ed. O.S. Kapinus and A.V. Kudashkina. Moscow (in Russian).
- Yusufov, A.Sh. Anti-corruption examination of regulatory legal acts is the most important element in the prevention of corruption manifestations / Bulletin of anti-corruption expertise. Scientific network publication. URL: <http://expertiza.pw/22071702-2/> (accessed: 02/02/2019) (in Russian).
- Yastrebov, V.B. (2001) Prosecutorial supervision: a textbook. Moscow (in Russian).

Citation:

Бородина, О. А. Вопросы организации антиторрупционной экспертизы нормативных документов. // Юрислингвистика. – 2020. – 16. – С. 11-15.

Borodina, O.A. (2020). Current issues of anti-corruption expertise implemented by the Prosecutor's office. Legal Linguistics, 16, 11–15.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О некоторых аспектах определения термина «терроризм»

М. А. Стародубцева

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия, E-mail: Starodubzewa@gmail.com

В статье выявляется недостаточная определенность юридического термина «терроризм». В статье освещается ряд проблем, связанных с данным определением. В частности, обосновывается необходимость четкого правового определения групп лиц, против которых направлен акт терроризма; доказывается, что ни одно из существующих на сегодняшний день определений – «гражданские лица», «лица, считающиеся невиновными» и «некомбатанты» – не позволяет дать исчерпывающее определение феномена. Отмечается, что существующие определения терроризма являются неполными по причине недостаточного охвата видов насильственной преступной деятельности. Важным неучтенным параметром определения понятия «терроризм» является фактор огласки насильственного действия. Помимо этого, отмечается необходимость обозначить различие между террористами, которые по существу являются комбатантами, участвующими в войне, и террористами, которые не являются комбатантами.

Ключевые слова: терроризм; комбатанты; некомбатанты; гражданские лица.

Some Aspects of the Definition of the Term "Terrorism"

M. A. Starodubtseva

Altai State University

61, Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russia, Email: Starodubzewa@gmail.com

The article reveals the lack of accuracy in the definition of the legal term "terrorism" and highlights a number of problems related to this definition. In particular, the author substantiates the need for a clear legal definition of groups of persons targeted by an act of terrorism; it is proved that none of the existing definitions – "civilians", "persons considered innocent" and "non – combatants" - allows us to give an exhaustive definition of the phenomenon. It is noted that the existing definitions of terrorism are incomplete due to insufficient coverage of violent acts of crime. An important unrecorded parameter of the definition of "terrorism" is the factor of publicity of a violent action. In addition, there is need to distinguish between terrorists who are essentially combatants engaged in war and terrorists who are not combatants.

Key words: terrorism; combatants; non-combatants; civilians.

Определение понятия «терроризм» является актуальной и трудной задачей. При этом не вполне ясно, являются ли эти трудности в первую очередь правовыми или же политическими, поскольку лицо, определяемое как террорист, с другой точки зрения предстает борцом за свободу [Primoratz 2004].

Мы обсуждаем определение терроризма в контексте следующих предположений:

- терроризм представляет собой насильственные действия против лиц;
- терроризм есть стратегия, которая включает противоправные методы, например, убийство, преднамеренное убийство гражданских лиц, пытки, захват заложников, похищение людей, этническая чистка и применение оружия массового поражения (химического, биологического или ядерного);
- терроризм включает в себя насилие в отношении одной группы лиц с целью заставить какую-либо другую группу принять то или иное решение;
- терроризм является средством достижения политических или военных целей;
- терроризм опирается на высокую степень публичности.

Данные предположения приводит в своих работах С. Миллер, профессор Центра прикладной философии и общественной этики Университета Чарльза Стёрта (Австралия) [Miller 2016].

Комментируя первое положение, важно проводить различие между насильственными действиями, совершаемыми комбатантами в ходе войны, и насильственными действиями, осуществляемыми за пределами театра военных действий. Виды насильственных действий, совершаемых террористами, включают в себя преднамеренные бомбардировки оккупированных гражданских зданий, преднамеренный расстрел граждан за пределами зон военных действий, пытки заключенных и тому подобное. Кроме того, к актам терроризма вполне могут быть отнесены некоторые насильственные действия, направленные против комбатантов в ходе военных действий, например пытки вражеских комбатантов или применение против них химического или биологического оружия [Miller 2016]. Остается нерешенным вопрос о том, можно ли считать террористическими актами насильственные действия, направленные на разрушение и порчу имущества, например взрыв пустого здания или беспилотной электростанции. Поскольку это положение является спорным, мы исключаем подобные действия из объема понятия «терроризм».

Третье положение характеризует цели террористической деятельности. В отличие от других правонарушений, связанных с насилием, терроризм должен служить какой-то дальнейшей цели, т. е. изменению отношений и/или поведения некоторой группы.

Четвертое положение в значительной степени условно, поскольку цели террористических действий не сводятся к политическим или военным. Методы террора могут использоваться и в религиозных целях. Кроме того, на практике чаще всего происходит комбинирование указанных целей. Действительно, в случае «Исламского государства» и «Аль-Каиды» их религиозные цели и их политические цели являются двумя сторонами одной медали – халифат является теократией. Этим терроризм отличается от преступлений, в которых насильственные действия совершаются в целях наживы.

С учетом перечисленных комментариев мы предлагаем следующее предварительное определение. Терроризм – это политическая или военная стратегия, имеющая следующие признаки:

- состоит в умышленном применении насилия в отношении человека;
- является средством устрашения членов какой-либо социальной или политической группы в целях достижения политических или военных целей;
- стремится получить высокую степень публичности, по крайней мере в той степени, которая необходима для устрашения целевой политической или социальной группы.

Насильственный акт, который не привлеч никакого внимания общественности, также не может быть назван актом терроризма. С другой стороны, акт насилия, который получает высокую степень огласки, но, тем не менее, фактически не вызывает широкого страха и/или не приводит к политическим изменениям, должен быть отнесен к террористическим действиям.

Приведенное выше определение является неполным, поскольку в нем не характеризуются лица, являющиеся объектами террористической деятельности. Рассмотрение этого вопроса является главной целью настоящей статьи.

Терроризм – это стратегия, которая далеко не всегда разворачивается в контексте войны. Акция секты Аум Синрике в токийском метро в 1995 году, в результате которой погибли двенадцать человек, была актом терроризма, совершенным в мирное время. В последнее время в либеральных странах, таких как Франция, Бельгия, Великобритания, США и др., наблюдается волна инспирированных ИГИЛ атак на рядовых граждан. К ним относятся нападения в Париже в 2015 году боевиков и террористов-смертников, атаковавших концертный зал, крупный стадион, рестораны и бары и оставивших 130 человек убитыми и сотни ранеными; нападение грузовика в Ницце в 2016 году, в результате которого погибли десятки людей; нападение в 2017 году в Лондоне, когда трое нападавших, управляя фургоном, врезались в пешеходов на Лондонском мосту, убили восемь человек а затем совершили ножовое нападение на рынке Боро. Определение войны является проблематичным, особенно когда речь заходит об акциях, в которых в качестве одного из главных действующих лиц участвует негосударственный субъект. Например, действия ИГИЛ в Сирии и Ираке могут быть охарактеризованы как военные. Однако хорошо организованное либерально-демократическое государство не находится в состоянии войны только потому, что какое-либо лицо или группа лиц совершает акт насилия против него, убивая рядовых граждан. Таким образом, террористический акт необязательно совершается в контексте войны.

Соответственно, необходимо проводить различие между террористами – комбатантами, участвующими в войне, и террористами, которые являются гражданскими лицами и совершают убийства в мирное время, чтобы внушить страх в целях достижения политических изменений в государстве. Таким образом, приведенное выше определение вводит в заблуждение или, по крайней мере, неполно. В нем не проводится различие между терроризмом как преступлением в мирное время и терроризмом в контексте войны.

Снять описанное выше противоречие и обобщить в одном определении случаи военных и не-военных преступлений террористического характера возможно, используя оппозицию комбатанты/некомбатанты. При этом под комбатантом предлагаем подразумевать лицо, использующее смертельную силу в контексте какого-либо конфликта. Некомбатантом, напротив, предлагаем называть лицо, которое не применяет смертоносную силу и, следовательно, является невиновным. Таким образом, терроризм отличается от других форм организованного политического насилия тем, что он направлен против некомбатантов [Miller 2001].

Согласно новому, скорректированному определению, терроризм – это политическая или военная стратегия, которая:

- состоит в умышленном применении насилия в отношении некомбатантов;
- является средством устрашения членов какой-либо социальной или политической группы в целях достижения политических или военных целей;
- полагается на то, что насилие получает высокую степень публичности, по крайней мере в той степени, которая необходима для устрашения целевой политической или социальной группы.

Понятие «комбатант», как отмечает С. Миллер, включает не только лиц, непосредственно осуществляющих террористическую деятельность, но и их руководителей, интендантов и прочих лиц, оказывающих помощь в организации и осуществлении актов агрессии. Эти категории лиц несут моральную ответственность за нападение, ведение войны или содействие такому нападению [Miller 2014]. Моральная ответственность за смертоносные нападения является достаточным основанием для оправдания ответной смертоносной меры, т. е. для лишения человека его гражданского иммунитета.

Понятие «некомбатант» предполагает неучастие в боевых действиях, но не исключает моральной ответственности за нападение или нарушение прав других лиц, акты насилия, несправедливости или другие формы правонарушений. Очевидно, что некоторые некомбатанты невиновны с морально-этической точки зрения, например, маленькие дети. В то же время некоторые некомбатанты виновны в актах терроризма в том смысле, что они несут моральную ответственность за нарушения прав или несправедливость, влекущие за собой нападения. Рассмотрим, например, коррумпированных высокопоставленных государственных чиновников и государственных служащих, которые не могут организовать распределение помощи в виде медикаментов и продовольствия для своих голодающих, больных сограждан, а вместо этого продают ее, чтобы наполнить свои собственные карманы. Предположим, что предусмотренное последствие этой коррупции и пренебрежения их гуманитарным долгом состоит в том, что десятки тысяч нуждающихся умирают. Эти должностные лица не являются комбатантами – солдатами, участвующими в вооруженном нападении, – а также не являются руководителями комбатантов и не оказывают им какой-либо помощи. Соответственно, нападение на этих государственных должностных лиц было бы, согласно нашему определению, терроризмом.

Таким образом, рассматриваемое определение терроризма делает серьезное различие между моральной ответственностью за смертоносные нападения и моральной ответственностью за серьезные нарушения прав людей (в том числе со смертельным исходом). Тот, кто отвечает смертельной силой на смертельные атаки, не является террористом. Однако тот, кто реагирует насилием на продолжающиеся и широко распространенные серьезные нарушения прав лиц, является террористом.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые аспекты толкования термина «терроризм» применительно к разным категориям лиц и выявили в них существенные противоречия.

Литература

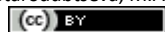
- Miller, S. Shooting to Kill: The Ethics of Police and Military Use of Lethal Force: a monograph. – Oxford University Press, 2016.
Miller, S. Social Action: A Teleological Account: a monograph. – Cambridge University Press, 2001.
Miller, S. Police Detectives, Criminal Investigations and Collective Moral Responsibility. Criminal Justice Ethics: Vol 33, 1, p. 21–39, 2014.
Primoratz, I. What is terrorism? / Terrorism: The Philosophical Issues. – New York, 2004.

References

- Miller, S. (2016). Shooting to Kill: The Ethics of Police and Military Use of Lethal Force: a monograph. Oxford University Press.
Miller, S. (2001). Social Action: A Teleological Account: a monograph. Cambridge University Press.
Miller, S. (2014). Police Detectives, Criminal Investigations and Collective Moral Responsibility. Criminal Justice Ethics: Vol 33, 1, 21–39.
Primoratz, I. What is terrorism? (2004) / Terrorism: The Philosophical Issues. New York.
-

Citation:

- Стародубцева, М. А. О некоторых аспектах определения термина «терроризм». // Юрислингвистика. – 2020. – 16. – С. 16-18.
Starodubtseva, M.A. (2020). About some aspects of the definition of the term "terrorism". Legal Linguistics, 16, 16–18.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Угроза в политическом дискурсе социальной сети как средство речевого воздействия

Д. С. Коротаева

Южный Федеральный университет

Большая Садовая ул., 33/43, 344082, Ростов-на-Дону, Россия, E-mail: rudaya@sfedu.ru

Л. М. Месропян

Южный Федеральный университет

Большая Садовая ул., 33/43, 344082, Ростов-на-Дону, Россия, E-mail: lmmesropyan@sfedu.ru

В статье рассматриваются механизмы речевого воздействия политического дискурса на базе конфликтогенных текстов менасивного характера. Выделяются и характеризуются стратегии, приёмы и тактики адресанта, определяющие прагматическую направленность высказываний политиков в социальной сети. Проводится детальный анализ интенций говорящего, реализующихся на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях и обладающих сильным персуазивным эффектом. Язык политика коррелирует с речевой организацией картины мира, формирующей определённые мнения относительно событий или личностей в массовом сознании.

Ключевые слова: политический дискурс; менасивный речевой акт; косвенная угроза; прямая угроза; манипулирование; политический фон; микроконтекст; речевое воздействие.

Threat in the Political Discourse of a Social Network as a Means of Speech Influence

D. S. Korotaeva

Southern Federal University

33/43, Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344082, Russia, Email: rudaya@sfedu.ru

L. M. Mesropyan

Southern Federal University

33/43, Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344082. Russia, Email: lmmesropyan@sfedu.ru

The article discusses the mechanisms of speech influence of political discourse based on conflictogenic texts of menacing nature. The strategies, methods and tactics of the addressee, which determine the pragmatic orientation of the statements of politicians on the social network, are defined and characterized. A detailed analysis of the speaker's intentions, realized at the lexical, grammatical and stylistic levels and having a strong persuasive effect, is carried out. The language of a politician correlates with the speech organization of the picture of the world, which forms certain opinions regarding events or personalities in the mass consciousness.

Key words: political discourse; menacing-speech-act; indirect threat; direct threat; manipulation; political background; microcontext; speech influence.

Статья посвящена изучению особенностей политического дискурса в рамках коммуникации политических деятелей на базе социальной сети Twitter и Instagram. Неравнодушное отношение общества к политическим событиям в мире, недостаточная изученность механизмов речевого воздействия в политической сфере, наряду с когнитивным моделированием сообщений публичных выступлений и с особенностями языкового построения, объясняют актуальность нашего исследования. В данной статье нами рассмотрены и комплексно проанализированы цитаты политиков регионального и федерального уровней с целью выявления речевого акта угрозы, описания стратегий, тактик и языковых средств выразительности, применяемых политическими деятелями при передаче политической информации. Иными словами, объектом исследования являются различные конфликтогенные тексты политических деятелей, содержащие менасивные акты. В качестве предмета исследования выступают способы реализации стратегий и тактик речевого воздействия в интернет-дискурсе, которые определяют прагматическую направленность публичных высказываний политика. Роль социальных сетей на сегодняшний день трудно недооценить. Интернет превратился в действенный инструмент власти, политиков и политических партий. «Слуги народа» активно используют социальные сети для формирования эффективного политического имиджа, продвижения, поддержки электората и манипулирования общественным мнением.

Изучение политического дискурса входит в профессиональную компетенцию известных лингвистов, политологов, таких как А.Н. Баранов, П.Б. Паршин, Т. Ван Дейк, А.И. Соловьева, Е.И. Шейгал и др. На современном этапе развития юрислингвистики среди

множества определений «политического дискурса» общепринятого определения данного термина не существует. В своём исследовании мы придерживаемся точки зрения Т. Ван Дейка. Он считает, что политический дискурс – это класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой. Правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков – это те жанры, которые принадлежат сфере политики [цит. по Баранов 2001]. Следовательно, политический дискурс – это речевая организация картины мира, присущая политикам. По мнению В.З. Демьянкова, главная цель политического дискурса – это внушение, характеризующееся как навязывание определённых идей или действий, формирование определённых мнений относительно событий или личностей в массовом сознании [Демьянков 2002]. Речевое воздействие является неотъемлемым компонентом политического дискурса. Оказывая влияния друг на друга, участники коммуникации демонстрируют двустороннюю направленность этого процесса. Функцией политического дискурса является суггестия, то есть осуществление эмоционального или психического воздействия на адресата посредством внушения установок или убеждений. Результат речевого воздействия заключается в изменении поведения, эмоционального состояния адресата, а также его отношения к происходящим событиям. Анализируя политический дискурс, необходимо учитывать особенности сознания участников речевого акта, оказывающие влияние на индивидуальное восприятие речи, специфический политический фон, а также определённую ситуацию, в которой был создан текст [Шейгал 2004].

Поскольку речь – это результативное орудие политиков, а от способа ее выражения и подачи зависит достижение политических целей, то логично предположить, что лидеры организаций будут использовать мощные инструменты привлечения внимания реципиентов и воздействия на них.

Одним из агрессивных речевых актов является угроза. Угроза, по определению Большой советской энциклопедии, – это «намерение нанести физический, материальный или иной вред отдельному лицу или общественным интересам, выраженное словесно, письменно, действиями либо другим способом». Являясь тактическим средством манипулирования адресатом, угроза также преследует цель принудить оппонента действовать согласно предъявленным требованиям. В политической коммуникации угроза используется как тактический прием манипуляции противником в ситуациях с диаметрально разными целями, например борьба за власть и переговоры. Ситуации, когда адресант позволяет себе нарушить правила вежливости и прибегнуть к угрозам в политическом дискурсе, охватывают определенные тематики: военный конфликт с применением силы и метода ультиматумов, социокультурные и политико-дипломатические международные связи и их разрыв, борьба претендентов за реальную власть.

Речевой акт угрозы как форма прямого и косвенного речевого поведения мало разработан в современной юридической лингвистике. В первую очередь это связано с кажущейся очевидностью угрожающего значения. Действительно, значение прямой угрозы обычно очевидно для носителей русского языка, однако косвенная угроза нередко вызывает споры относительно её трактовки, которые требуют вмешательства специалиста-языковеда. Речевые акты, как известно, в процессе речевой деятельности могут обмениваться качествами, нейтрализоваться в определённых типах контекстов. Речевой акт угрозы редко существует сам по себе, чаще это одна из агрессивных речевых стратегий манипулирования, давления на собеседника. В таких случаях необходимо привлечение эксперта-филолога для выявления вероятности восприятия речевого акта как угрозы.

Речевой акт с эксплицитно выраженной интенцией, когда «говорящий имеет в виду ровно и буквально то, что он говорит», в теории речевых актов носит название прямого речевого акта. «Средством выражения иллокутивного характера прямых речевых актов является перформативная формула (личное местоимение 1 л. + глагол в 1л., ед.ч. наст.вр., индикатив), которая показывает однозначное соответствие между иллокутивной функцией и перформативным глаголом, номинирующим ее» [Долинин 1983].

Для детерминации акта угрозы используются различные языковые средства:

1. Средства синтаксиса (действительный/страдательный залог, модальность, параллельные конструкции, повторы и т. д.). С помощью синтаксических средств представляется возможным сокращение или увеличение дистанции между событием и субъектом, изменение эмоционального настроения (темп, модальные указатели), расстановка акцентов на нужных и выгодных смыслах (повторы, параллельные конструкции, перестановка) и прочее.

2. Лексико-семантические средства, включающие в себя омонимы, историзмы, эвфемизмы, жаргонную, оценочную лексику и т. д. Принято считать, что из-за большого разнообразия семантики лексики наиболее многофункциональным инструментом манипуляции выступает отбор используемых слов.

3. Морфолого-семантические и словообразовательные средства. Стоит также отметить, что использование таких средств делает возможным создание оценочно- или эмоционально-окрашенных неологизмов, которые затем употребляются как слова-маркеры определенных социальных групп [Ерофеева 2014].

В качестве иллюстрации прямой угрозы нами были взяты цитаты лидера национал-большевистской партии – Лимонова Эдуарда Вениаминовича, пропагандирующего оппозиционную идеологию.

«По смерти Назарбаева Россия должна предъявить претензии на половину территории Казахстана (другую половину – восток и юг Казахстана разумно уступить Китаю, таким образом, разделив ответственность за полное упразднение Республики Казахстан). Рекомендую взять в Российскую Федерацию целый пояс городов к югу от российско-казахской границы, начиная с Уральска через Семипалатинск и включая Усть-Каменогорск, и таким образом включить в себя и Южный Алтай».

«Не отберёте – прокляну! Всё у вас будет не получаться!»

Модальность со значением долженствования отражена в слове «должна», которая в сочетании с метонимией «Россия» выражает предполагаемую неизбежность действия, что указывает на безальтернативность выбора. Волонтивность, побудительная желательность, необходимость совершить определенное действие представляют собой оттенки значений вышеупомянутой категории модальности. Лексемы «рекомендую», «прокляну» соответствуют перформативной формуле: форма глагола первого лица единственного числа настоящего времени в индикативе (изъявительном наклонении), которая квалифицирует соотношение иллокутивного характера выражения и номинирующего его перформативного глагола как прямой речевой акт угрозы. Тактика угрозы заключается в запугивании оппонента, предрекании ему наказания в будущем. Данный пример филигранно иллюстрирует признаки, присущие прямой угрозе, заключающиеся в императивности и радикальном характере высказывания.

Таким образом, в данных цитатах прослеживается высокая степень прямой речевой агрессии, что даёт основу расценивать агрессию как идеологическую платформу партии национал-большевиков.

Если же в речевом акте говорящий «имеет в виду и прямое значение и, кроме того, нечто большее», такой речевой акт характеризуется как косвенный акт [Серль 1986]. ИмPLICITное содержание высказывания, как правило, не имеет специальных средств для своего выражения и выводится из содержания высказывания, общей ситуации речи или общих фоновых знаний участников коммуникации.

Именно косвенная угроза как вызывающая наибольшее число вопросов чаще всего попадает на исследование к лингвисту-эксперту.

Зная о возможном наказании, говорящий пытается замаскировать прямую угрозу под другие речевые акты.

На наш взгляд, примером косвенной угрозы является следующая цитата Мальцева В.В.: «п.О.К.А. путин Одался Китайскому Агрессару

С.п.А.С.И.Б.О. Смерть (Суд) путину А Следом и Банде Озерной
п.О.Р.А. путин Оденет Робу Арестанта»

В данном контексте угроза выражена имплицитно, при этом подтекст и общий фонд знаний адресата и адресанта определяет её семантику и косвенный характер. Коммуникативная интенция Вячеслава Мальцева в первой строчке выражена в форме субъективной констатации фактов, реализованной с помощью приёма интенсификации оценки, поскольку автор данных слов утрирует действительность, чтобы показать реципиенту свою субъективную картину мира. Смысловая составляющая анализируемого высказывания заключается в следующей пресуппозиции: во-первых, адресат сделал что-то неодобрительное, по мнению адресанта; во-вторых, адресант намекает на наказание. Грамматическими признаками угрозы в исследуемом языковом материале являются предикаты в форме будущего времени. Тактика угрозы реализуется за счет использования параллельных синтаксических конструкций, выражения «Оденет Робу Арестанта», аллюзии «Банда Озёрная» и акроконструкции в сочетании с выделенной строчной буквой «п», что способствует достижению перлокутивного эффекта, призванного описать плачевное, по мнению В. Мальцева, будущее его оппонента.

Все семантические, стилистические и грамматические признаки, выделенные нами в приведённом выше примере, позволяют идентифицировать план содержания высказывания как косвенную угрозу, микроконтекст которой не выражает намерение адресанта эксплицитно. Тем не менее, воздействие на реципиента всё же оказывается. Оно заключается в навязывании реципиенту идей инвектора (адресанта), агитации против инвектума (адресата), реализуясь в коммуникативной стратегии – антиреклама. Феномен «идеологическая борьба» уместен в данной ситуации, так как идёт воздействие на население собственной страны в целях подрыва морального духа, подрыва авторитета власти, внесения смуты, получения поведенческой реакции.

Таким образом, перед нами пример речевого агрессивного манипулирования, в котором явно прослеживается «оппозиционная» идеология, где объекты агрессии создаются целенаправленно, в угоду определенным идеологическим установкам. Язык используется для искажения информации в целях контроля над сознанием и поведением людей.

Разные определения косвенных речевых актов объясняются, прежде всего, их разнообразием. «Степень косвенности может варьироваться от низкого уровня, в котором она определяется лексическим составом предложения, до высокого уровня, где прагматическое значение высказывания может быть определено только с подключением окружающего контекста или фоновых знаний» [Серль 1986].

Нижеприведённая нами цитата является примером средней степени косвенности: «Важно продемонстрировать мощь оборонной промышленности и добиться дальнейшего прорыва, чтобы отправить больше «обернутых подарков» для США».

Автор данной цитаты – северокорейский политический деятель Ким Чен Ын. Дескриптивный метод описания языка помогает сразу установить, что компоненты лексического значения представлены глаголами нейтральной семантики. Такие глаголы в изолированной позиции по отношению к семантической связи не указывают на отнесенность высказывания к числу менасивных. В случае косвенной реализации угрозы восприятие высказывания складывается из контекста, лексико-грамматического элемента и общей политической картины мира. Следовательно, военная лексика, союз цели «чтобы», метафора «обернутые подарки», которая подразумевает под собой баллистические ракеты КНДР, а также тот факт, что высказывание принадлежит лично лидеру Северной Кореи, дают возможность расценить анализируемый материал как официальное выражение своеволия и непреклонности. С помощью приёма иронии «отправить больше «обернутых подарков» критикуется абсурдность резолюции ООН, вопреки которой Пхеньян осуществляет запуск баллистических ракет с целью испытать их. Тактика угрозы достигает перлокутивного эффекта за счет интенции запугивания в целях изменить отношение адресата к многочисленным нарушениям Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Отсюда следует, что обращение к сложившейся политической обстановке в мире позволяет квалифицировать анализируемое высказывание как речевой акт угрозы, который обретает свою семантическую полноточность в конкретной ситуации. Экстралингвистические факторы дают основания говорить о ситуации конфликта, с вероятностью его превращения в военный. При рассмотрении косвенного речевого акта угрозы необходимо опираться на общий контекст, поскольку для понимания менасивных актов требуются знания, уходящие за пределы контекста, и учёт обстоятельств, в которых осуществляется коммуникация. Говоря иначе, «вне контекста невозможно осуществление экспрессивно-коммуникативной функции языка, так как однозначность языковой формы возможна только в заданных условиях и получает свое смысловое выявление только в конкретном построении» [Колшанский 1959].

«Наша цель — мир, а не война. Мы не угрожаем России, но в перспективе нам нужна долгосрочная союзническая стратегия, а также диалог, который ведется с сильной позиции обороны и сдерживания».

В изречении румынского политического деятеля Клауса Йоханниса в качестве коммуникативного содержания выступает констатация факта в форме утверждения. Противительные союзы «а», «но» в сочетании с частицей «не» отображают отрицательное высказывание в значении утвердительного, согласно принципу обратной корреляции условных менасивных конструкций. Интенцией адресанта, с одной стороны, является доброжелательная демонстрация планов по наращиванию военного потенциала, а с другой стороны – изъясление своей готовности и решительности. Тактика косвенной угрозы воплощается через приём – ультиматум, о чём свидетельствует акцент на эпитете «сильная позиция обороны и сдерживания». Исходя из определений данных терминов, пропозицию высказывания можно передать следующим образом без ущерба для смыслового наполнения: «Россия должна быть союзником Румынии, не забывая о боевой готовности и укомплектованности Румынии, которая в случае нанесения первого удара противником ответит максимально возможным уроном, оказав тем самым неминуемое и заслуженное возмездие». Предикативное наречие «нужна», инклюзивные местоимения «мы» и «наша» квалифицируют речевой акт как угрозу-предупреждение, где в намерение адресанта не входит применение насилия в отношении адресата. То есть формируют в сознании реципиента положительную бенефактивность, когда адресат не обязан каузировать мгновенное выполнение действия, но должен пересмотреть свои планы поведения. В этом свете предупреждение близко к совету, поскольку может быть расценено как рекомендация на будущее. Некатегоричная форма поллицитации (обещания) негативных последствий смягчает коммуникативное намерение говорящего. В этой связи мы наблюдаем речевой акт, в основе которого лежит желание заставить избежать опасности, предупредив о возможных неблагоприятных последствиях. Такой речевой акт-предупреждение «представляет собой вид суггестива, основанный на прагматической пресуппозиции желания адресата не действовать вопреки своим интересам после извещения об опасности» [Ерофеева 2014].

Таким образом, угроза, будучи механизмом речевого воздействия, подразумевает под собой языковой приём влияния на сознание, на процесс принятия человеком тех или иных решений, реализующихся на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях языка и обладающих сильным персуазивным эффектом. Без применения метода полного прагматического описания коммуникативного события квалификация речевого акта в случае с косвенными речевыми актами может быть осуществлена лишь с долей вероятности. Только в совокупности с другими доказательствами, а именно описанием речевых ролей коммуникантов, особенностей их речевого поведения, квалификация речевого акта будет являться подтверждением или опровержением наличия злого умысла у говорящего.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что побудительная интенция говорящего способна превратить практически любой речевой акт в акт угрозы при наличии обещания негативных последствий. В данном случае можно выявить стратегию повышения уровня прагматического воздействия (т.е. побуждение к действиям), воплощающуюся в тактике – план, где содержится имплицитное или эксплицитное указание на определенные действия (делайте так). Мы установили, что эффективность речевого воздействия заключается в апелляции к когнитивной и эмоциональной сфере реципиента. Также было зафиксировано влияние экстралингвистических факторов на понимание в полной мере сущности акта угрозы в политическом дискурсе, прагматической установкой которого является последовательное убеждение адресата в приемлемости выражаемого мнения. Разнообразие стратегий и приёмов, обозначенных нами в данном исследовании, подчёркивает императивность и радикальный характер менасивного речевого акта, целью которого является убеждение и манипулирование аудиторией в социальных сетях.

Литература

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2001.

Демьянков В.З. Политический дискурс: история и современные исследования. – М., 2002. – С. 32-43.

Долнин К.А. Имплицитное содержание высказывания / Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 38-43.

Ерофеева Е.В. Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе / Политическая лингвистика. – 2014. – № 4(50). – URL: <https://ru.booksc.xyz/ireader/50774592>

Колшанский Г.В. О природе контекста / Вопросы языкознания. – 1959. – № 4. – С. 47-53.

Серль Дж. Что такое речевой акт / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М., 1986. – С. 151-169.

Серль Дж. Косвенные речевые акты / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. – М., 1986. – С.195-222.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.

References

Baranov, A.N. (2001). Introduction to Applied Linguistics. Moscow (in Russian).

Demyankov, V.Z. (2002). Political discourse: history and modern research, 32-34 (in Russian).

Dolinin, K.A. (1983). Implicit content of utterance. Questions of linguistics, 6, 38-43 (in Russian).

Erofeeva, E.V. (2014). Threat and warning speech acts and their indirect implementation in French discourse / Political Linguistics, 4 (50).

Available from: <https://ru.booksc.xyz/ireader/50774592> (in Russian).

Kolshansky, G.V. (1959). On the nature of the context. Questions of linguistics, 4, 47-53 (in Russian).

Searle, J. (1986). What is a speech act. New in foreign linguistics, 17, 151-169 (in Russian).

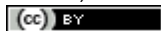
Searle, J. (1986). Indirect speech acts. New in foreign linguistics, 17, 195-222 (in Russian).

Shegal, E. I. (2004). Semiotics of political discourse. Moscow. (in Russian).

Citation:

Коротаева, Д.С. Месропян, Л.М. Угроза в политическом дискурсе социальной сети как средство речевого воздействия. // Юрислингвистика. – 2020. – 16. – С. 19-22.

Korotaeva, D.S. Mesropyan, L.M. (2020). Threat in the political discourse of a social network as a means of speech influence. Legal Linguistics, 16, 19-22.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Недоброе слово: оскорбление, клевета, унижение чести, умаление достоинства

С.П. Кушнерук

Волгоградский государственный университет

пр-т Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Россия, E-mail: sp_kushneruk@mail.ru

Вопросы методики исследования материалов по обвинению в оскорблении, клевете, унижении чести и умалении достоинства в силу разных причин сохраняют свою актуальность. Данные правонарушения имеют различные речевые воплощения и, следовательно, их экспертная квалификация принципиально различается методическими основаниями и исследовательскими приемами. Решение экспертных задач, как показывает практика, в значительной степени зависит от совокупности качеств вопроса или вопросов, поставленных перед лингвистом, от коммуникативных особенностей и объема исследуемого материала и от широты лингвистического инструментария, освоенного исследователем. Отмечено, что даже для решения на первый взгляд тривиальных вопросов принципиальными оказываются презумпции исследования, основанные на понимании лингвистической сути событий. Для оскорбления такие основания связаны с возможностью установить адресованность высказывания; для клеветы – с параметрами речевого утверждения, для умаления чести и достоинства лица – с распространением негативной информации в формах квалифицирующих высказываний.

Ключевые слова: лингвистическая судебная экспертиза, оскорбление, клевета, честь, достоинство.

Bad Word: Insult, Slander, Degrading, Impairment of Dignity

S. P. Kushneruk

Volgograd State University

100, University Av., Volgograd, 400062, Russia. E-mail: sp_kushneruk@mail.ru

It has been recently acute to develop research methods applying to cases of insult, slander, degrading and impairment of dignity. Their peculiarity consists in different degrees and forms of linguistic manifestations, in fundamental differences regarding methodological foundations and instrumental approaches. The solution of expert tasks, as practices show, largely depends on the set of qualities of the question or questions posed to the linguist, on the communicative features and volume of the material under study, and on the scope of linguistic tools mastered by the linguist. It is noted that even for routine types of research, the specificity of regulatory grounds related to understanding the linguistic essence of events is fundamental. For the insult such grounds are connected with the possibility to establish the addressee of the utterance; for slander – parameters of a statement; for degrading and impairment of a person's dignity – the dissemination of negative information in the form of qualifying statements.

Key words: forensic linguistics, insult, slander, honor, dignity

1. Введение. В экспертно-исследовательской практике образовался широкий круг проблем, ставших классическими. Троица – «оскорбление», «унижение чести и умаление достоинства», «клевета» – может казаться скучной, хорошо известной и освоенной специалистами, но разнообразие коммуникативных средств и богатство речевого состава не дают лингвистам-экспертам поставить точку в их обсуждении. К основаниям, множащим количество спорных ситуаций, можно было бы добавить и иные факторы, проявляющиеся в шкалах частотности, смысловой неустойчивости, коммуникативной актуальности, внутрисистемной языковой динамики и т.д.

2. Оскорбление

Обозвали голоштанником. Надолго осталось в
душе оскорбление. Витрины, пирожные...
а дома по-прежнему бедно и скудно.

И. Грекова

Допускаю, что следующие соображения могут быть спорными. По крайней мере – они не полны. Но оскорбление – это такой акт, особенности которого трудно уместить даже в объёмную монографию. Успешные попытки охарактеризовать оскорбление как

коммуникативное явление представлены работами, ориентированными на практическое использование их положений в экспертной практике [Баранов 2005: 200].

Какими бы ни были обстоятельства дела, основной проблемой исследований коммуникативных ситуаций будет явная или неявная борьба между выявлением реальных или придумываемых частных оснований формулирования претензий об оскорблении, с одной стороны, и, с другой стороны, – наличие системы формальных признаков, выявляемых на лингвистическом уровне и свидетельствующих о том, что речевой фрагмент имеет оскорбительные свойства в лингвистических координатах. Разумеется, состав таких признаков должен быть конечным, они должны иметь лингвистическую суть, быть субъектно определёнными.

Желание усмотреть в том или ином речевом материале оскорбительные свойства часто бывает понятно, основания этой попытки могут лежать в широком диапазоне мотивировок, от сознательной манипулятивной попытки до реализации «классических» инструментов оскорбительного свойства. От по-своему наивных представлений об оскорблении, идущих от человеческой обиды, до построения сложных речевых объектов, допускающих множественные интерпретации в части их этико-квалифицирующих качеств.

Понимая, насколько опасно и сомнительно в профессиональном отношении нижеследующее допущение, автор всё же указывает его здесь, предоставляя читателю некоторые основания, закрепившиеся в экспертной практике: в лингвотехнологическом отношении исследование признаков оскорбительности реализованных речевых единиц если не проще в содержательной плоскости, то более определено конкретным перечнем признаков, которые имеют лингвистическое содержание.

- Принципиальным фактором следует рассматривать наличие конечного перечня типов единиц, которые следует рассматривать как единицы с оскорбительным содержанием (при определенных условиях). Нет сомнения в том, что сам состав оскорбительных единиц и типологические характеристики ряда из них вызывают дополнительные вопросы в сферах как полноты соответствующих групп, так и в смысловых признаках внешне релевантных единиц. Задан если не словарь с оскорбительными потенциями, то семантико-функциональные группы единиц с их свойствами, ощутимыми на уровне речевого опыта. Конечно, идеальным (но фантазийным) занятием было бы создание пополняемого словаря оскорбительных средств. Но это, полагаю, невозможно – и языковая динамика, и извивы речевой практики будут постоянно требовать его корректировок и изменений.

- Внешне простым, но ситуативно неоднозначным может быть определение приличности-неприличности речевых единиц, содержательное разделение оскорбления и обиды и даже оценка умышленности речевых действий. В последнем случае «умышленный характер действий» – это преднамеренное использование речевых фрагментов с оскорбительным значением, коммуникативная лихость, противопоставленная речевой осторожности, или реализация некоего коммуникативного действия, которое не предусматривало использование конкретных языковых средств, но имело в виду решение каких-то межличностных отношений с неперменной негативной квалификацией адресата? Практика показывает, что возможны и иные понимания умышленности действия, поскольку задумка формы и способов умысла, методов его реализации и речевые экспликации имеют множественный и взаимосвязанный характер.

- Обращения к множеству ситуаций, в которых рассматривались факты оскорблений, выявляют одно интересное качество оскорбления – наличие перлокутивного эффекта разной силы. Вполне закономерным может быть вопрос о том, какова степень негативной оскорбительной квалификации. Нам известно высказывание, имеющее коммуникативно-содержательную модель: «субъект N чувствовал себя глубоко оскорблённым». Означает ли определительный компонент наличие оснований для введения некоторой шкалы степени оскорбительности? Вряд ли. Трудно себе представить, что понятию «глубокое оскорбление» может быть противопоставлено понятие «неглубокое оскорбление»: фрагмент «субъект N был слегка оскорблён» можно себе представить в художественном тексте (заметим, ограниченной жанровой принадлежности), но не в речевом материале экспертного исследования.

Развитие знаковой множественности коммуникации предполагает включение в состав экспертного материала некоторых форм посланий, в создании которых используются невербальные знаковые средства. Такие процессы будут, видимо, развиваться, в первую очередь, в электронных формах коммуникации, в которых визуальные ряды выполняют основную функцию послания. Последнее обстоятельство породило необходимость проведения экспертных действий, в которых текст формировался посредством видеорядов. В таком случае возникает дополнительный вопрос об определении текста как сложного коммуникативного инструмента, создаваемого широким спектром семантически отмеченных средств.

Чрезвычайно разнообразные ситуации, в которых одна из сторон полагала себя оскорблённой, обнаруживают интересные закономерности. Именно признаки оскорбительности исследователи попытались свести в некоторые ряды с описательными и квалифицирующими характеристиками: во-первых, относительная определённость исходных ограничителей самой ситуации; во-вторых, наличие формальных признаков контекста, заданных списком; в-третьих, «коммуникативная яркость» действия, связанного с оскорблением.

Кейс 1. Специалисту был задан следующий вопрос: выражена ли отрицательная оценка личности гр. С-ва М.В. в словосочетании «Ты – баран»?

Исследовательскую ситуацию можно считать даже несколько скучной. Квалифицирующее высказывание, в котором использована лексическая единица, уподобляющая человека животному с отрицательным характеризующим содержанием.

Кейс 2. В этом случае коммуникативная ситуация оказалась сложнее. Вопрос к специалисту был сформулирован следующим образом: является ли используемое словосочетание «чёрный риелтор» квалифицирующим и оскорбительным, если да, то какие квалифицирующие свойства у этой фразеологической единицы?

Метафоризированное значение словосочетания, являющегося термином с повышенным уровнем квалифицирующих качеств, определяется не компонентом «риелтор», но компонентом «чёрный». Перемещение этой единицы в ограниченную предметную область работы с недвижимостью принципиально меняет квалифицирующие свойства лексической единицы. Термин приобретает резко негативное квалифицирующее значение, представленное не определением, а контекстными средствами, описанием качеств тех лиц, которые имеют основания называться подобным образом. Этот случай служит одним из примеров высокой динамики переосмысления и появления языковых единиц с квалифицирующими свойствами.

3. Честь и достоинство

Честь – это совесть, но совесть
болезненно чуткая.
А.В. де Виньи

В словах «ни в чем не замечен» уже заключается целая
репутация, которая никак не позволяет человеку бесследно
погрузиться в пучину абсолютной безвестности.

М.Е. Салтыков-Щедрин

«Честь, достоинство и деловая репутация»... Уберём из рассмотрения всё, что связано с термином «деловая репутация». Понятие, стоящее за термином, несмотря на попытки формализации, в высокой степени размыто. В её основе лежит то, что связано с «общественной оценкой деловых качеств» – неким личностно разрозненным ментально-эмоциональным действием разных лиц. Действием вроде понятным при мобилизации качеств, именуемых человеческим опытом, но не формализуемых, не имеющих чётких речевых коррелятов, при постановке вопросов лингвисту обуславливающих «перескакивание» в содержание лингвистических производных с сомнительными квалифицирующими потенциями. Например, лингвисту предлагают ответить на вопрос: «Если в материале I содержится негативная информация о гражданине N, то воспринимается ли эта информация как умаляющая деловую репутацию названного лица, чернящая доброе имя, задевающая честь и достоинство гражданина»? Изложение хода и результатов анализа этого вопроса потребует отдельного текста изрядного объёма, в котором, кроме всего прочего, придётся показать, например, почему на вопрос правового содержания, являющийся прерогативой суда, предлагают ответить лингвисту? Что такое негативная информация в аспекте профессиональной деятельности? Как следует понимать глагол «воспринимается»? Процесс восприятия субъективен, динамичен, предполагает оценку профессиональной деятельности. Наконец, неясным для лингвиста является вопрос о том, что значит «чернить доброе имя»?

Определения слова «честь» в тезаурусах права и лингвистики имеют некоторые различия. Обратимся к словарным дефинициям.

Честь в содержательном поле юриспруденции – общественная оценка личности, мера духовных и социальных качеств гражданина [Гражданский кодекс, URL].

Слово «честь», как лексическая единица, ориентированная на использование в общепотребительной сфере языка, имеет следующие словарные толкования: «совокупность высших морально-этических принципов личности; достоинство (личное, профессиональное, военное и т.д.); хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя; почёт, уважение; то, что даёт право на почёт, уважение, признание, является почётным; о том, кем или чем гордятся, кому или чему отдают дань уважения, восхищения и т. п. [Словарь русского языка 1984 т.IV: 672]

Дискретность словарного определения в «лингвистическом источнике», попытка определить единицу через ряд синонимов или через ряд признаков, значимых в межлических отношениях в некоторой степени противопоставляется правовой дефиниции с доминантой размытого понятия «общественная оценка». Видимо, понятийная слабость понятия в тезаурусе права стимулирует к расширению аспектного поля через дополнительное включение коммуникативно-языковых факторов.

Полисемичность лексической единицы, ее существенные содержательные колебания связаны не только с контекстно обусловленными толкованиями. И вне контекста содержательные различия в значениях слова зависят от ряда обстоятельств. Приведем лишь некоторые из них.

- Слово в координатах профессиональных тезаурусов. Мало того, что в силу внутрпредметного развития формируется относительно устойчивое лексикографическое значение. Завершению предметной спецификации способствуют профессиональный коммуникативный фон и действие собственных тезаурусовых логико-смысловых значений, «выплёскивающих» изменение содержаний на иные внутрисистемные единицы.

- Слово в координатах активных контекстов. Контексты с их необыкновенной живостью, следованием за экстралингвистическими условиями ощутимо испытывают на прочность и завершенность смыслового наполнения лексической единицы, легко перемещаемой в тексты эмоционально окрашенные, что не только размывает доминанты строгих внутрпредметных дефиниций, но и придаёт понятию окраску лексической единицы разговорно-бытовой отнесённости (впрочем, порой весьма неустойчивую).

Термин «достоинство» в его основном значении, при лингвистической квалификации ситуаций, как показывает экспертная практика, сохраняет если не некоторую загадочность, то зыбкость формальных шкалируемых показателей. Странность ситуации, при которой «все понимают, что такое достоинство», но представить в иерархизированном виде степень проявления этого качества или уровень его потери представляется, мягко говоря, непросто. В какой-то степени на это обстоятельство влияет и аспектность понятия: достоинство личности, достоинство гражданина, национальное достоинство. Понятие актуально не только в координатах субъектных параметров, но и при актуализации в разных правовых областях [Диффамация в СМИ 2006: 7].

Кейс 1. Вопрос о наличии нарушений законодательных норм явно некорректен, даже если он растворён в контексте вопроса о наличии речевых проявлений нарушения моральных норм. В одном из относительно давних дел (содержание даже небольшого фрагмента мысленно уносит в «лихие девяностые» годы) по ст.152 лингвиста озадачили следующими вопросами:

1. Содержит ли текст материала под заглавием (заглавие; название СМИ; адрес редакции) негативную информацию о (имя, фамилия)? Если да, то включены ли в текст материала высказывания, содержащие сведения о нарушении действующего законодательства (кем – имя, фамилия), общепринятых моральных норм и принципов?

2. Каковы формы высказываний, реализованных в тексте материала под заглавием (заглавие; название СМИ; адрес редакции)?

3. Каково значение высказывания, реализованного в тексте с заголовком (заглавие; название СМИ; адрес редакции): «...Не гнушался «мелкий» и классическим бандитизмом – скажем, грубым выбиванием долгов с предпринимателей. Например, осенью 1997 года (фамилия) в составе банды «поселковых» похитил сына продавщицы (имя, фамилия), задолжавшей браткам какие-то деньги за навязанное ими крышевание торговой точки?»

Если вопросы 2 и 3 по своим основным содержаниям соответствуют рекомендациям и составам перечней типовых вопросов, связанных со статьями правовых регуляторов, то вопрос 1 вызывает размышления. Эти размышления ориентированы на выяснение следующих обстоятельств. Прав ли специалист-лингвист, когда он выявляет в тексте негативную информацию, исходя из общих соображений. Понятие негативности и в содержательном ключе, и с точки зрения квалифицирующих действий, и с позиции содержательной амбивалентности, и с учётом правового прагматизма уже не раз исследовалось, однако применительно к экспертной практике многое в этой предметной области остаётся неустойчивым и неоднозначным.

Каковы те конкретные высказывания, содержащиеся в тексте, которые должны квалифицироваться как негативные в аспекте их лингвистических признаков? Как показывает опыт, оценка ситуации, когда о ком-то что-то говорят, не может сводиться к интерпретации впечатлений от того, что представлено текстом. Понятие «негативности» не сводится к каким-то лингвистическим признакам. В данном случае лингвиста «спасает» речевая конкретика. Личность N словесно квалифицируется единицей «бандитизм» с её вполне определёнными содержательными признаками, и лексикографическими, и закреплёнными в бытовом сознании.

4. Клевета

Злословие и клевета не имели бы такой силы,
если бы глупость не пролагала им пути.

А. Дюма-сын.

Клевета в ряду рассматриваемых объектов исследования – наименее лингвистичный с точки зрения своей сущности. Безусловно, клевета предполагает коммуникативное действие, связана с порождением некоего сообщения, что и обуславливает рассмотрение этого феномена лингвистами.

Совершенно очевидно, что установление факта клеветы не может быть делом лингвиста. Основная содержательная компонента клеветы как явления – наличие или отсутствие связи того, что сказано (написано) с тем, что имеет место в действительности.

Вернёмся к определению термина «клевета».

Клевета – распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию [Большой юридический словарь... 2012: 200].

Это дефиниция терминологической единицы, попадающей в тезаурус юридических понятий. В какой мере терминологическое содержание отличается от «общечеловеческого», внетерминологического, можно увидеть, сравнив дефиницию с определением толкового словаря.

Клевета – ложное обвинение; заведомо ложный слух, позорящий кого-либо, а также распространение таких слухов [Словарь русского языка 1984 т. 2: 56].

К содержательным фрагментам определений, различных в силу их существования в разных предметных областях, можно отнести следующие смысловые компоненты:

- факты распространения данных, могущих быть объектами специального анализа; под распространением следует иметь в виду некое технологическое действие, результатом которого является попадание некоего сообщения от адресанта (автора) к целевой группе адресатов;

- ложность сведений, составляющих информационную суть распространяемого текста; является ли задача выявления ложности-правдивости лингвистической задачей? – категорически «нет»;

- порочащий (позорящий) характер сведений, составляющих смысловую основу текста; при различиях семантики лексических единиц «порочить» и «позорить» очевидна общность качеств информации, которые связывают текст с морально-нравственной квалификацией субъекта-адресата.

Последний смысловой компонент предполагает, видимо, реализацию неких сведений, которые соответствуют следующей описательной модели: «распространенные о субъекте данные отражают фактические сведения о действиях или результатах действий, связанных с конкретным субъектом; действия или их результаты имеют явно предосудительный характер, чернят лицо, представляемое посланием». Можно лишь временно удовлетвориться представленной описательной моделью, поскольку её положения неминуемо вызовут вопросы о содержании единиц «предосудительный», «чернить». Лингвистическое исследование предполагает содержательно методологическую «чистоту» предметной области, в рамках которой рассматриваются лексические компоненты определений. Как относиться, например, к единице «чернить» с учётом её явной остаточной метафоричности, эмоциональной окрашенности и содержательной неустойчивости?

По размышлению над сутью явления, возьмём на себя смелость заключить следующее. В условиях лингвистических экспертных действий «клевета» – одно из самых «нелингвистичных» явлений, суть которого связана с нелингвистическими содержательными доминантами, которые определяются наличием или отсутствием события, качества, признака. Проверка же сказанного – операция вне лингвистики, связанная со следственными действиями.

Исследовательские некорректности возникают в тех случаях, когда лингвист без должной профессиональной требовательности относится к поставленным перед ним вопросам. В результате неминуемо происходит в той или иной степени вторжение в нелингвистические сферы. Речевой материал – это та «словесная субстанция», в которой есть всё, и все разделы лингвистики, и проявления психологии, отражения реальных состояний, и вторжения в право, и, безусловно, морально-нравственные окраски рациональных содержаний.

Рассмотрим некоторые вопросы, входившие в разные системы экспертных заданий. Тексты вопросов подверглись минимальным изменениям субъектного содержания.

Кейс 1. Имеются ли в представленной для исследования стенограмме диктофонной записи судебного заседания ..., высказывания гражданина (ФИО1), содержащие сведения о нарушении гражданином (ФИО2) действующего законодательства, норм и принципов морали, совершении нечестных поступков?

Специалисту вопрос предлагает не только вторгнуться в сферу права, но и совершить действия, на основе которых возникает коммуникативная определённая. Итак, субъект обнаружил в тексте некие высказывания, которые, как ему кажется, нарушают (или, возможно, как раз не нарушают) чьи-то права, какие-то правовые нормы. Поскольку эти реальные или кажущиеся нарушения транслируются через текст, то мысль о привлечении специалиста «отвечающего за речь», представляется естественной и непротиворечивой. Есть текст, в котором описано нечто, что имеет место в действительности, или не соответствует в реальности. Что становится объектом действий лингвиста? Проверка наличия события или качества тех речевых единиц, которые выступают в роли квалифицирующего описания? Либо соблазны велики, либо опыт мал (о преднамеренной лингвистической недобросовестности даже не говорим!) – если соблазн прямого ответа на поставленный вопрос неодолим, то лучше прекратить занятия экспертной деятельностью. Эксперту предложили ответить на вопрос, который может быть обращен, во-первых, к иному субъекту – к суду, и, во-вторых, не имеет прямого лингвистического содержания.

Возможны и иные сложности. При показанной структуре и единицах вопроса представим ситуацию, демонстрируемую практикой исследований: специалист нашёл некоторые релевантные с его точки зрения единицы, описал их и представил заключение. Но субъект-автор вопроса полагал, что следовало обратиться не к тем единицам, которые рассматривал эксперт, а к иным речевым компонентам спорного текста. Следовательно, вопрос не только содержательно сомнителен и неопределён, но и бесполезен в

процессуальном отношении.

Кейс 2. Содержатся ли в статье под названием «Принцип Чиполлино» высказывания в форме утверждения о конкретных фактах нарушения инстанцией «...» законодательства или моральных принципов?

Вопрос содержит, по крайней мере, две ошибки. Во-первых, от лингвиста требуют ответ в области законодательства. Во-вторых, эксперту предлагается безосновательно подтвердить «конкретность фактов» – реальность событий. Эти действия неприемлемы как составляющие в деятельности эксперта, они являются либо задачей следственных инстанций, либо судебных выводов.

Кейс 3. Соответствует ли текст статьи, выбор реализованных в ней лексико-фразеологических и синтаксических средств основным правилам и принципам построения публицистического текста?

С одной стороны – вопрос порождает проблему, достойную лингвистического клуба. По всей видимости, автора вопроса интересовало, в какой степени соответствует экспертный материал тем основным (или частным) требованиям, которые обязательны для текстов этой стилистической группы. Кроме содержательной широты, вопрос предполагает ответ с относительно низкой информативностью и соответствующим уровнем полезности в части его интерпретации.

Кейс 4. Возможно ли в создавшихся коммуникативных условиях установление истинности или ложности утверждения, о том, что содержательные положения, приведенные в форме цитат в Исковом заявлении, отражают или не отражают события, имевшие место ранее в форме переговоров Истца и Ответчика?

Мало того, что эксперту-лингвисту предлагается оценить не лингвистические, но событийные признаки в координатах истинности и ложности. Вопрос склоняет лингвиста к интерпретации некоего вторичного текста с позиций истинности и ложности события (переговоров), навязывая некоторого содержания и к порождению вывода на зыбких основаниях ряда условных исходных факторов.

Представленные вопросы заметно отличаются от вопросов «стандартных», наиболее частотных и выявляющих если не обязательные, то значимые лингвистические признаки событий. Последние часто используются при исследованиях ситуаций, связанных с возможными оскорблениями, защитой чести, достоинства и деловой репутации.

Представленные вопросы интересны не столько своим ошибочным характером, сколько проявлением того, насколько точно они отражают коммуникативную сторону событий и в какой мере ответы на них трансформируемы в содержательные доказательства юридического характера.

В заключение приведем по одному «опасному месту» в лингвистической экспертной практике, которые до настоящего времени порождают споры среди специалистов:

по делам об оскорблении – неприличность формы выражения значения;

по делам о клевете – определённость объекта речи и признаки утверждения о факте;

по делам о защите чести и достоинства лица – значение квалифицирующего высказывания.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика /А. Н. Баранов. – М., 2007.

Большой юридический словарь / [В.А. Белов и др.]; Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. - 2. изд., перераб. и доп. – М., 2003.

Гражданский кодекс РФ. Часть 1. Статья 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации». URL: <http://stgkrf.ru/152/>

Диффамация в СМИ/ Авт.-сост. Г.Ю. Арапова, М. А. Ледовских. – М., 2006.

Словарь русского языка/ Под ред. А.П. Евгеньевой. – в 4-х т. М., 1981-1984. – т. 2.

Словарь русского языка/ Под ред. А.П. Евгеньевой. – в 4-х т. М., 1981-1984. – т. 4.

References

Baranov, A.N. (2007) Linguistic examination of the text: theory and practice/A. N. Baranov. Moscow (in Russian).

Civil Code of the Russian Federation. Part 1. Article 152 «Protecting honor, dignity and business reputation». URL: <http://stgkrf.ru/152/> (in Russian).

Defamation in the media (2006) /Aut.-sost. G.Yu. Arapova, M. A. Ledovsky. Moscow (in Russian).

Dictionary of the Russian language (1981-1984) /Ed. A.P. Evgenieva. - in 4 volumes. - T. 2. Moscow (in Russian).

Dictionary of the Russian language (1981-1984) /Ed. A.P. Evgenieva. - in 4 volumes. - T. 4. Moscow (in Russian).

Large legal dictionary (2003) /[V.A. Belov et al.]; Ed. A. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh. - 2. prod., reslave. and supplement. Moscow (in Russian).

Citation:

Кушнерук С.П. Недоброе слово: оскорбление, клевета, унижение чести, умаление достоинства. // Юрислингвистика. – 2020. – 16. – С. 23-27.

Kushneruk S.P. (2020). Bad Word: Insult, Slander, Humiliation of Honor. Legal Linguistics, 16, 23-27.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 26.06.2020 г.

Дата публикации издания 30.06.2020 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2020